

Александр Антипов

МАРОДЁРЫ

Санкт-Петербург
2009

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

*Все фамилии и имена вымышлены.
Любые совпадения с реальными людьми,
событиями и местами считать случайными*

ISBN 978-5-904045-38-8

9 785904 045388

© А. С. Антипов, 2009
© Реноме, 2009

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ]

«Ворона — забавная птица, оказывается, — подумал Саша Асов, глядя на большую черную птицу, сидящую на ветке молодой рябины. — Хотя какая ж это ворона? Обычный ворон. Весь черный». Асов увидел эту птицу тридцатого декабря. Последний день работы перед Новым годом. Следующее дежурство у него должно было быть как раз третьего января. Он специально подгадал так график работы, чтобы подольше побыть с матерью, которая приехала к нему на новогодние праздники.

Эта ворона запомнилась ему потому, решил Асов, что раньше он не мог себе представить, как забавно может выглядеть эта птица. Он шел по заснеженной тропинке к помещению МОБа*, в котором и располагался его кабинет. Погода была хорошая. Ярко светило зимнее солнце, согревая воздух, и покрытые снегом улицы отражали солнечный свет так, что слезились глаза, а с крыш падали капли талого снега. Высокие сугробы пушистого снега создавали атмосферу уюта. Асов дышал полной грудью: еще бы, наконец-то за многие годы у него получатся нормальные новогодние каникулы, без забот. Именно такую зиму он и любил — теплую и пушистую. В веселом расположении духа, проходя по тропинке из многосантиметрового спрессованного слоя снега, Асов взглянул на отреставрированное здание. Раньше это были просто развалины из красного кирпича, который использовали при постройке мануфактур прошлого века, теперь же это было солидное двухэтажное здание ярко-зеленого цвета с орнаментом. На нем была вывеска: «Похоронный дом». «Видимо, неплохо зарабатывают, раз такое здание отгрохали», — подумал Асов и отвел взгляд от этого дома: он не соответствовал его настроению. Саша посмотрел направо от тропинки и увидел эту ворону.

Молодая рябина стояла около тропинки и была покрыта снегом. Из-за слоя снега ворона, сидящая на средней ветке того, что летом было кроной, оказалась на уровне глаз Асова, почти рядом. Листьев на рябине не было, но висели гроздь ягоды. Ими и лакомилась ворона, безбоязненно рассматривая проходящих мимо. Это зрелище настолько заинтересовало Асова, что он остановился. Ворона одной лапой сжимала гроздь ягод и клевала их, отчего напоминала попугая. Второй лапой она умудрялась держаться за ветку. Из лапы с гроздью неряшливо и расточительно падали ягоды. Саша взглянул в темный глаз вороны, методично задергиваемый полупрозрачной синей пленкой века, и осмотрел снег под деревом. Он был весь в точках от упавших ягод.

* Милиция общественной безопасности.

«Рябина на снегу всегда похожа на кровь», — подумал Асов, усмехнулся и пошел дальше, закуривая на ходу сигарету. Саша отнесся к вороне доброжелательно. Видимо поэтому птица, заметив его, нагло продолжила свое занятие, а не испугалась и не улетела.

Тридцать первого декабря Асов проснулся около полудня и быстро встал. Он планировал сходить за подарками для мамы и ее мужа, которые приехали на новогодние праздники из Питера, а Асов не успел купить подарки. Раньше все не хватало времени, да и нужно было сопоставить свои желания со своими финансами. Подарки должны быть нужными, недорогими и памятными. Все, что приходило на ум, он уже успел подарить им ранее. Наконец, он решил подарить им наушники к мобильникам. Мама с мужем возились на кухне и готовили праздничный ужин. Асов объяснил им, что ему нужно купить карточку, чтобы пополнить счет на своем мобильном телефоне, оделся и ушел.

Саша обежал все магазины в окрестностях, но необходимой модели наушников так и не нашел. Несмотря на то что изо рта шел пар, на улице не чувствовалось холода. Он решил поехать троллейбусом на оптовый рынок, где был павильон бытовой техники, напоминая себе, что среднестатистическое время, необходимое для покупки карточки, уже давно истекло. У Асова и так почему-то не было новогоднего настроения, а теперь оно и вовсе ухудшилось. Он с горечью отмечал, что дни новогодней лихорадки воспринимаются им как обычные будние дни. Неужели он настолько потерял привычки и чувства обычного человека? Об этом спрашивал Саша себя, еще более расстраиваясь и чувствуя, что у него промокли ноги в ботинках от слякоти и снежно-песочной каши на улице. И все же Асов мечтал о рождественской сказке, он имел право рассчитывать на рождественское чудо, когда ангелы спускаются с небес на землю и делают людей счастливыми. Саша предвкушал, что наконец-то он нормально встретит этот праздник. Уже в течение нескольких лет этот праздник не приносил ему радости. В этот день обычно его ждала либо работа, либо одиночество. Теперь же вроде бы все складывается таким образом, что он сможет почувствовать атмосферу праздника, беззаботности и веселья, ведь таких чувств у него не вызывал ни один красный день календаря.

Побывав в павильоне и обежав все закоулки рынка, он нашел только наушники для мобильного мужа мамы. Прервав содержательный разговор двух молодых и привлекательных продавщиц специализированного салона мобильной связи о том, что чей-то парень сволочь, а та подруга дура, Асов попросил продать ему наушники. Резко преобразившись из шипящей сплетницы в радостную, улыбающуюся, внимательную и отзывчивую девушку, одна из продавщиц пояснила, что наушники «моно» и лучше купить другие, когда будет новый завоз товара, но Саша, не замечая кокетства, точнее, не отвечая на него, забрал покупку, расплатился и торопливо вышел из павильона на улицу.

Была у Асова одна особенность, которая делала его привлекательным. В свои двадцать пять лет он выглядел как выпускник школы, слишком юно и молодо. Тот образ жизни, который он вел, заставлял его всегда быть в тонусе. Он постоянно работал и учился, что не давало ему проводить бессонные ночи за выпивкой или за бесполезным прожиганием своей энергии. Саша обязан был постоянно себя контролировать, чтобы чрезмерно не уставать, спать, когда была возможность, и есть, когда была возможность. Его режим был как постоянный бег. Именно поэтому его организм был приспособлен к постоянной нагрузке и регулярно обновлялся, перебарывая болезни, стресс, травмы и повреждения. В его жестах, поведении и взгляде светилась житейская мудрость. Постоянная невозмутимость и открытость в общении с друзьями заставляли делать вывод о том, что перед вами зрелая и очень сильная личность. Это своеобразное сочетание несовместимых вещей — озорной молодости и зрелой мудрости — располагало к себе и выделяло его из толпы. А для себя Асов делил людей не на плохих и хороших, а на личностей и безликих.

Настроение у него ухудшилось, потому что Саша стал думать о том, что если бы он и решил завести себе девушку, то у него не было бы времени, чтобы уделять ей внимание, и денег, чтобы сводить ее в ресторан или еще куда-нибудь. Впрочем, он успокаивал себя тем, что у него не могло быть ничего общего с человеком, для которого рай представляется пальмами, пляжем на чужбине, а успех в жизни — выучить чужой язык и удрать за «бугор». Да, Асов умел «читать» людей с первого взгляда. Это была приобретенная способность, за которую он тяжело расплатился. Он, намного острее и четче воспринимая мир, чем другие, понимал судьбы по нескольким минутам общения. Спустя некоторое время он справился с болью от полного понимания мира, но не очерствел. Просто теперь Саша с легкостью отличал добро от зла и знал, что справедливо. Это называется сохранить душу. Да, есть такая категория людей, но не все они смогли справиться с подобной болью мудрости. Многие стали использовать подобные познания из корысти и уверовали в свою исключительность.

Чтобы успокоиться, Саша решил дойти до дома пешком. Двигаясь по обочине дороги, ведущей от рынка, он посмотрел на свои наручные часы с синим циферблатом. Стрелки показывали половину третьего. Скоро все магазины должны были закрыться.

«Да что же это такое? Заговор какой-то. Почему нет в продаже такой простой вещи?» — думал Асов. Внезапно он ощутил, что вспотел от беготни, что внутри у него клокочет какая-то необъяснимая злоба на весь мир. Особо чувствовалось бессилие, с которым он не мог смириться. Ему хотелось разнести, бить, рвать зубами все, что он видит. Магазины, прохожих, продавцов. «Что это я? Такого со мной раньше не было, успокойся», — сказал он себе, и вдруг внутри наступила тишина. Он медленно, стараясь не поскользнуться, шел по

улице. В одном магазинчике по дороге он купил наушники для мобильного телефона мамы и, снова заторопившись, отправился домой.

На кухне играло радио, и мама весело порхала по ней, занимаясь готовкой. Асов тоже вышел на кухню, чтобы покурить. Мама запрещала ему курить в комнате. Купленные наушники он припрятал в своей сумке и теперь ждал момента, чтобы подарить их. Он только что нашел в Интернете несколько ссылок, чтобы скачать на мобильники гостей игру «Тетрис», и теперь возился с настройками телефонов, попутно объясняя:

— Вот, пришли настройки для телефона, сейчас мы их сохраним, чтобы он мог выходить в Интернет на веб-сайты. Потом наберем адрес сайта и скачаем с него игрушку.

— Саша, как будешь мясо? — спросила мама.

— Все равно, лишь бы это не были мелкие и шкодливые отбивные, а что-нибудь, что нужно поливать соусом и кусать большие сочные куски.

— Это уже будет буженина, — смеясь, ответила она и спросила: — Почему ты их назвал шкодливными?

— Ну, не знаю.

До Нового года оставалось шесть часов. Свой телевизор Асов отдал отцу в съемную квартиру, так что теперь предстояло смотреть новогодние программы по компьютеру, в который Асов вставил телевизионный тюнер. Однако это несколько его не смущало.

Вдруг на подоконнике раздался гул вибровозвонка с его телефона, а затем зазвучала мелодия самого звонка. Асов любил свой телефон-«раскладушку», который ему подарила мама и, открыв его, прочитал на дисплее «Тетя Тоня». Асов подумал, что она решила поздравить его с праздником, чего отродясь не случалось. Весело сказав «Алло», он ответил на звонок.

Асов не успел ничего осознать. Тягостное предчувствие и бессильная злоба теперь были объяснимы. Булькающий и неровный, срывающийся в плач голос тети произнес:

— Саша, отец разбился.

— Как? — не понял Асов.

— Насмерть.

— Подождите, сейчас, — не зная что сказать, Асов нажал кнопку и повесил трубку. Он осмотрел залитую светом комнату, в которую перешел из кухни, закрыв за собой дверь, чтобы приглушить звуки музыки и лучше слышать тетю. Он не знал, что делать. Он так боялся момента, когда ему придется хоронить родителей, и был уверен, что он наступит нескоро. Саша еще не успел встать на ноги, чтобы быть в состоянии оплатить похороны и все, что с этим связано. Он знал, что рано или поздно это произойдет. Но не сейчас же, не так скоро и не таким образом.

Вот так праздник превращается в траур, очень просто и неожиданно. От этого нельзя спрятаться или убежать, тем более предотвратить это. Асов

ничего не мог изменить. Он не мог поверить в услышанное, но такими вещами не шутят, и поэтому он предпочел не прятаться от действительности. Бывают такие состояния, когда человек знает, но не верит и не понимает. Вот и тогда Асов знал, но не осознавал, что его родного человека больше нет. «Что мне делать? Как поступить? Как ведут себя люди в подобные минуты?» — спрашивал он себя.

Однако он смог понять, что если ему нужно что-то сейчас исправить, то для этого нужно быстро действовать. Он решил сосредоточиться на какой-нибудь цели. Чтобы горе не накрыло его с головой, он должен был думать только о том, что нужно сделать, и действовать.

Было тридцать первое декабря, около шести часов вечера. Ему требовалось время, чтобы собраться и принять решение. Он сел за свой компьютер и пустым взглядом уставился в страницу Интернета с мигающей рекламой поисковика. На кухне раздавался приглушенный разговор мамы с мужем. Они готовили Сашины любимые салаты: оливье и селедку под шубой.

«Не может быть. Мы с ним разговаривали два дня назад. Он позвонил мне на работу, просил поменять билет на поезд, но это оказалось ненужным. Он ехал забирать семью из гарнизона, и я не знал, когда он точно уехал. Он всегда был сильным, никто не мог унижить его. С ним не может подобного произойти. Отлетав двадцать пять лет на всех типах самолетов, разбиться на гражданке невозможно. Стоп. Соберись. Сейчас самое главное — силы. Ни о чем больше не думай. Думай. Ни на кого не рассчитывай», — но как когда-то давно, в детстве, когда он боялся или ему было грустно, мысли оставались. И он подумал, что, быть может, именно сейчас ему необходимо применить все навыки, которые у него есть, и поэтому в мозгу сверкнул всего один приказ: «Думай!» И Саша спросил себя: «Что делать? Это правда? Это первое. Второе, как встарь, никакой жалости и сочувствия к себе. Только цель. Отдохнешь тогда, когда... Стоп. Думай только о цели. Если правда? Нужно ехать. Не может быть. Никто тебе не поможет, ни на кого не рассчитывай, о Боже, помощь нужна отцу». Асов позвонил отцу на мобильный телефон. Долго соединялось. Под Новый год мобильная связь обычно вообще не работает, но в этот раз соединение прошло. В трубке раздались гудки, но трубку никто не снял. Асов позвонил в гарнизон по номеру, который всегда помнил. Номер телефона в гарнизонной квартире из прошлой жизни, когда они жили там вместе, в его детстве. Никто не ответил.

Асов позвонил тете:

— Алло, тетя Тоня. Кто сообщил? Это точно?

— Да, Саша. Рафида звонила. Я сначала не поняла, кто звонил. Воем воеет. Отец взял такси и на трассе, когда ехал в гарнизон, столкнулся с встречной машиной. — Тетя говорила плача. — Водитель и отец погибли. Другая машина «ауди», в ней, видимо, сработали подушки безопасности. Там водитель и пассажир выжили.

- Когда это случилось?
- Недавно. Может, в три, может, в четыре часа.
- Его нужно везти сюда.
- Да, конечно. Обязательно сюда.

Асов повесил трубку, молча сел на диван, скрестив ладони на телефоне. Из кухни доносились музыка и приглушенный разговор матери с мужем.

Асов вышел в коридор и, повернувшись в кухню, увидел, что боком к нему, что-то разрезая на столе, стоит мама. Он сказал:

- Отец разбился.
- Что? — переспросила мама.
- Отец разбился. Ехал на такси в гарнизон. Произошла авария. Насмерть.

Все.

- Ты откуда знаешь?
- Тетя Тоня позвонила, а ей Рафида.
- Подожди. — Мама взяла свой телефон. — Позвоню в гарнизон, Ленке.

Она должна, наверное, что-то знать.

Мама позвонила по телефону. Ее муж встал из-за стола и закурил, выключив радио. Асов услышал, как мама говорит:

— Лена? Привет. Слушай, что там случилось с Асовым? — послушав немало, она произнесла: — Ладно, я тебе перезвоню. — Повернувшись к сыну, сказала: — Говорит, была авария. Выехал твой однокашник, Лешка Торгач.

— Лешка? Он что, следаком стал?

Саша вспомнил своего бывшего однокашника. В школе он был прыщавый и оттого замкнутый, но беззлобный. Кто знает, какие у него остались комплексы. Люди бывают разные. Например, Асов сознательно высмеивал свои комплексы и недостатки, так как считал, что никогда нельзя выдавать свои недостатки за достоинства. Без борьбы со своими недостатками люди перестают работать над собой, поэтому надо высмеивать недостатки, зная меру и не переходя за рамки, на оскорбления. Однако Асов понимал, что если у него хватило силы воли бороться со своими комплексами и недостатками, то вовсе не обязательно, что Лешка справился со своими. Кто знает, каким человеком он стал.

Они не виделись восемь лет, с тех пор как Асов уехал из гарнизона поступать в институт. Саша вспомнил, как учил Лешку кататься на мопеде, который тому подарил отец. По тем временам это был дорогой подарок, Сашин отец такого мопеда, иностранного и с коробкой передач, подарить бы ему не смог. Хотя в то время отец был майором и старшим штурманом, а отец Лешки лейтенантом и начальником ИВС. Саша вспомнил, как они дружили с Лешкой.

Асов прошел обратно в комнату и, сев на диван, подумал: «Наверное, это хорошо, что выехал Лешка. Может быть, в чем-нибудь поможет». Мама с мужем прошли за ним.

Саша снова позвонил тете. Он не помнил ее плачущей, никогда не приписывал ей обычных человеческих чувств. Тетя, родная сестра его отца, была обеспеченной, прагматичной и расчетливой. Ей было около тридцати пяти лет. Сейчас Саша был удивлен ее поведением: он подумать не мог, что может рассчитывать на ее помощь в трудную минуту. Однажды она уже оттолкнула его, когда он, восемнадцатилетний пацан, нуждался в обычном совете, и никого из родственников давно уже не было рядом. Она тоже относилась к нему равнодушно. Асов зарекся никогда в жизни не просить ее об участии либо помощи, он вообще предпочел вычеркнуть ее из своей памяти и круга общения, как и всех остальных своих родственников. Оставалось всего два человека, которые держали его на этом свете, теперь остался один. Дождавшись, когда тетя снова ответит на звонок, он спросил:

— А бабка с дедом знают?

— Да, Саша, — ответила она несколько спокойнее.

— Хорошо, пойду от них позвоню в гарнизон с обычного телефона, с мобильного у меня долго разговаривать не получится. У вас есть телефоны Рафиды или больницы, куда доставили отца? Что-то я не могу ей дозвониться.

— Рафида не отвечает. Я разговаривала с ее подругой Светой. Рафида просто воеет и не разговаривает. Я всех, кого смогла, обзвонила, записывай телефоны.

— Да, а что говорит бригада «скорой»?

— Не знаю, по телефону ничего не говорят. Записывай.

Тетя продиктовала номера телефонов, включая мобильник Леши Торгача, которые Асов записывал на листок бумаги.

— А телефон какой-нибудь ритуальной компании есть?

— Да, мы узнали телефон диспетчера по ритуальным службам, они работают по всему городу.

— Хорошо, — сказал Асов.

— Саша, — сделав небольшую паузу, она продолжила: — Саша, он мой брат. Ты не думай. Я буду вкладываться, о деньгах не думай.

— Добро, — ответил он. — Спасибо.

— Будем держать друг друга в курсе. Ты тоже, если что-то узнаешь, сообщай мне.

— Хорошо, — Асов повесил трубку и прошел на кухню. Мама с мужем остались в комнате. Они звонили кому-то в гарнизон. Асов открыл холодильник и посмотрел на отделение для бутылок на дверце холодильника. Там стояла литровая бутылка водки. Когда мама спросила его перед закупками к праздничному столу, что он будет пить, он внезапно ответил — водку. Он сам себя удивил подобным желанием, этот напиток он совсем не признавал и предпочитал выпивать по праздникам вино или пиво. Однако в этот раз ему захотелось чего-нибудь горького, хотя он и знал, что это самообман. Вкус водки никогда не казался ему горьким.

Не раздумывая, он вытащил и распечатал бутылку. Взял из навесного шкафчика рюмку и поставил ее на стол. Сиротливо и одиноко стояла эта рюмка посередине белого обеденного стола. Саша налил водку в рюмку и медленно выпил. В этот раз он не почувствовал ничего, кроме горечи. Не было вкуса карамели и жгучего пара в носоглотке. В груди на мгновение вспыхнул жар и погас, больше никаких ощущений не осталось. Да, в минуты стресса спиртное теряет вкус.

«Нет, я должен быть в тонусе и готовности. Мне нельзя напиваться. Мне нужны все силы, которые у меня есть, и светлая голова. Мне нельзя пить, впрочем, до завтра немного можно», — решил он и, закрыв бутылку, поставил ее на место.

Асов зашел в комнату и сказал:

— Пойду, схожу к бабке с дедом. Позвонить от них надо.

— Я с тобой, — ответила мама.

— Нет, не надо. Я быстро. Не хочу я, чтобы ты с ними общалась.

— Нет, я пойду, и не спорь. Они сами мне говорили, чтобы я к ним заходила. У нас нормальные отношения.

— Ладно, тогда ты одевайся. Встретимся около подъезда, я в магазин сбегаю, пива куплю, — понимая, что отговорить мать не удастся, ответил он.

— Хорошо.

Асов быстро оделся, закинул через плечо свою сумку и вышел. Купив в магазине две баночки пива, он открыл одну и стал пить, вторую кинул в сумку. У подъезда его ждала мама, она взяла его под руку. Саша отметил, что она одета в шубу, которая выглядела старой. Другой у нее не было. Медленно они пошли вниз по улице. Улицы были покрыты пушистым снегом. Люди готовились к празднику, и никому не было дела до чьего-либо несчастья.

Асов смотрел на светящиеся в темноте прямоугольники окон. Он любил смотреть на огоньки в окнах, они всегда его успокаивали. Саша понимал, что за всеми этими огоньками тысячи обычных людей борются за свое маленькое счастье. Впрочем, некоторые его разрушают, прячутся или деградируют, развиваются или отдыхают. Но когда Асов смотрел на огоньки в окнах, он предпочитал думать о том, что кто-то за ними борется за свое маленькое, нормальное, человеческое счастье. И от этого ему становилось теплее, появлялась вера в будущее.

Дед с бабушкой жили на той же улице, что и Асов. Несмотря на это, в гостях друг у друга они никогда не бывали. Заходили только по необходимости. Их пятиэтажный дом под номером один стоял отдельно от основного массива домов. В окнах на втором этаже, где находилась квартира деда с бабушкой, свет не горел. «Неужели они легли спать?» — подумал про себя Асов. Впрочем, его давно уже не удивляло поведение родственников.

Они поднялись на второй этаж, и Асов позвонил в дверь, за которой долго не раздавалось ни малейшего звука. Наконец послышался звук отпирае-

мого замка. На пороге стоял дед, одетый в тренировочные брюки и серый вязаный свитер.

— Угу, привет, — сказал он и отошел в глубь прихожей, пропуская их внутрь.

— Здравствуй, — ответил Саша и пожал ему руку. — Позвонить от вас можно? За переговоры я заплачу.

— Чего там, звони, — ответил он и ушел в большую комнату, где уже горел свет. Откуда-то из дальней комнаты вышла бабушка. Увидев Асова, она заплакала.

— Сыночек, что же теперь будет?

— Не волнуйся, — ответил ей Асов. — Все будет хорошо.

Он знал, что это не так, но всегда говорил эту фразу уверенно и безапелляционно, отчего люди начинали верить ему и успокаивались.

— Маша, сядь, — сказал дед бабушке из зала, и она села на диван рядом с ним.

Саша с мамой, разувшись, сняли верхнюю одежду. Мама прошла к ним в комнату, а Асов задержался, для того чтобы повесить ее шубу в шкаф, и посмотрел в зеркало прихожей. Он увидел лицо с плотно сжатыми губами. Между бровями пролегли две полосы складок, и глубоко в глазах залегла тяжелая решительность.

Взяв с собой свою черную сумку, он прошел в комнату и сел на стул перед журнальным столиком, на котором стоял телефон, поставил банку с пивом рядом. Взяв трубку телефона, он позвонил в гарнизон. В трубке раздались гудки. Опять никто не отвечал. Асов решил позвонить в ритуальную службу. Главным сейчас для него было решить проблему выезда и транспортировки тела отца. Как и все сотрудники силовых ведомств, он знал, что лучше связаться с ритуальной фирмой, специализирующейся на захоронениях сотрудников и пенсионеров Министерства обороны и МВД, чтобы избежать всех бумажных проблем. Ему ответил женский голос:

— Служба «Ритуал», слушаем вас.

— У нас родственник погиб под Песковым, бывший военнослужащий. Нам необходимо перевезти тело сюда и захоронить.

— Подождите секундочку, я сейчас дам вам телефон агента.

— Он занимается военнослужащими, или, может быть, у вас есть телефон военной похоронной компании?

— Он занимается всеми. — Женщина продиктовала мобильный номер агента, и Асов позвонил по нему со своего мобильного, уйдя на кухню, чтобы покурить и допить пиво. Стряхивая пепел в раковину, он ждал ответа агента.

— Алло, я Сергей, слушаю вас, — представился мужской голос.

— Вы агент? — переспросил Асов.

— Да.

— У нас погиб родственник под Песковым. Нам необходимо перевезти его тело и захоронить здесь. Он бывший военнослужащий. Мы хотели бы все это

оформить через военную похоронную компанию, если это возможно. — Асов подумал, что если это и невозможно, то согласиться на услуги других всегда не поздно, но агент ответил:

— Хорошо, вам перезвонит Светлана Николаевна. Это ваш номер определился у меня на мобильнике?

— Да. Добро, а через сколько?

— Минут через десять-пятнадцать.

— Добро, — повторил Асов и повесил трубку.

Пиво кончилось, и он пошел за второй банкой. Хмель так и не наступал. Открыв вторую банку пива, он решил позвонить Торгачу. Набрал его номер, он стал ждать ответа. «Не ответит, — думал он. — Сейчас Новый год и, скорее всего, он сидит за праздничным столом. Он не захочет думать о работе». Однако на звонок ответили:

— Алло? — Голос у Лешки был все такой же, с низким тембром и немного протяжный.

— Это Саша Асов. Помнишь? — Асов обрадовался, услышав Лешку.

— Привет.

— Привет. Ты следяком стал? — спросил Асов, вспомнив, что сначала тот был конвоиром в местном ИВС и учился в так называемом колледже по специальности «юриспруденция», когда Асов учился на третьем курсе заочки в институте. Именно начальником того ИВС и был отец Лешки.

— Да.

— Слушай, Лех. Это правда? Действительно мой отец?

— Да, Сань. Я только что с места приехал. Влобовую столкнулись вазовская «четверка» и «аудюха», в которой было два человека. Водитель получил перелом ключицы, а его пассажирка серьезно пострадала. Ее отвезли в больницу на «скорой». Сработали подушки безопасности.

— Не жена?

— Нет.

— Типа гражданской жены?

— Да.

— Что с «четверкой»?

— Вдребезги. Твой отец сидел на переднем сиденье. Он и водитель умерли на месте.

— Как тело? Сильно пострадало?

— Нет.

— При нем какие документы нашли?

— Паспорт вроде, — замаявшись, ответил Леша. — Ты приедешь, я тебя допрошу.

— Как свидетеля, понятно. Тело в какой морг направили?

— Пока во Вдовске. Через две недели будет вскрытие, я тебе точно скажу, от чего он умер.

— Какие две недели? Леша, я завтра выезжаю, и я приеду за телом. Я его заберу, — жестко ответил Асов. — Если ты до этого момента не успеешь сделать вскрытие, то извини. Оно будет здесь.

— Сань, ну подожди, — Леша растерялся.

— Лёш, я сам занимаюсь подобными материалами, и я знаю, что у нас родственники могут забрать тело в течение трех суток. Какие две недели? Ты что? Я приеду забрать тело, — снова повторил Саша. Он почувствовал в голосе Алексея непонятный для него пока испуг. — Я понимаю, что сейчас наступили эти гребаные десять дней выходных, но эти службы все равно работают. Они должны сделать вскрытие на следующий день. Сам акт вскрытия будет готов через несколько месяцев, но вскрытие делается почти сразу, а тело выдается родственникам.

— Сань, у нас здесь нет эксперта.

— Как нет? Вдовск — это же районный центр. В районе должен быть эксперт.

— Нет, он приезжает.

— А где поблизости есть другой морг?

— В Угольцах.

— Так перевезите тело туда.

— Я уже договорился об этом. Завтра вояки должны увезти его туда. Водителя тоже туда повезут родственники.

— Хорошо. Добро, Леша. А где это случилось?

— Сразу за деревней Купчины. На сто сороковом километре трассы Вдовск — Угольцы.

— За несколько километров до гарнизона? Как только выехал из Ленинградской области?

— Да, почти.

— Кто виноват?

— Скорее всего, водитель «аудиохи», у него стаж вождения всего несколько месяцев.

— Они выезжали из деревни? Значит, нарушили скоростной режим?

— Нет, Сань. Ты что. Они ехали в сторону деревни, а «четверка» с Угольцев в гарнизон.

— А, да. Вот тварь. Отделался переломом ключицы. Двоих завалил. Получит год условно, максимум три года колонии-поселения. Все равно тварь останется на воле.

— Да у него и не перелом вроде. Ушиб.

— Ладно, Леша, созвонимся. Я как выеду, тебе позвоню. Ты мне не звони, чтобы деньги не тратить, просто набери, а я перезвоню.

— Да не беспокойся, у меня служебный.

— Ну ладно, до встречи, — сказал Асов.

— Давай, — ответил Лешка и повесил трубку.

Асов сел за столом на кухне и медленно стал допивать вторую банку пива. Из большой комнаты раздавались приглушенные голоса. Он почувствовал в кармане пиджака вибрацию от мобильного. Асов открыл телефон и увидел незнакомый номер на дисплее. Саша прочистил горло, чтобы настроить голосовые связки на низкую, командную тональность, и ответил на звонок. В трубке он услышал женский голос:

— Алло? Вы звонили по поводу организации похорон?

— Да, вы Светлана Николаевна?

— Да, — ответила женщина.

— У нас под Песковым, — Асов снова стал повторять, — разбился родственник, ехал в гарнизон забирать семью, на такси. Нам необходимо забрать тело и перевезти его сюда. Здесь захоронить.

— Он бывший военнослужащий?

— Да, пенсионер Министерства обороны.

— У него есть пенсионное удостоверение?

— Да.

— Вы кем ему приходитесь?

— Сын.

— Какое у него было звание?

— Майор, высший командный состав. Был штурманом полка. Во сколько мы завтра сможем выехать?

— В каком военкомате он состоял на учете? — игнорируя его вопрос, спросила женщина.

— Во Фрунзенском, через него получал пенсию. Мы сможем завтра с утра выехать? — снова спросил Асов.

— А сколько туда ехать?

— Мы раньше ездили на легковой, около десяти часов. Тысяча километров. Про себя же Асов произнес: «За тысячу верст, как же это далеко от дома!»

— Нам нужно сейчас найти катафалк.

— Мы сможем выехать часов в девять или раньше.

— В девять не получится, нам необходимо встретиться в офисе, вызвать катафалк. Может, часов в одиннадцать?

— Мы точно выедем завтра в одиннадцать часов? Может, в «Ритуале» смогут выехать, если у вас нет катафалков?

— Нет, — чересчур быстро ответила она, на что Асов обратил внимание. — Они не смогут.

— Мы выедем завтра в одиннадцать? — еще раз спросил Асов.

— Да, — твердо и уверенно ответила она.

— Добро, — сказал Асов. — Где ваш офис?

— В центре, около моста на окружную.

— В самом низу?

— Да, в девять часов подъезжайте.

— Добро. Какой у вас катафалк?

— «Газель», микрофургон с холодильником в кузове.

— Понял.

Разговор закончился, и Асов сохранил номер телефона в памяти своего мобильного, потом решил сделать еще звонок:

— Дежурная часть.

— Леха, ты?

— Да, Сань, чего?

— Я должен третьего дежурить, но у меня отец разбился под Песковым, я уезжаю.

— Сань, я такое не решаю, позвони Святкину.

— Ладно, но все равно передай по смене, что я не выйду. Какой у него телефон?

— Сейчас продиктую.

«Начштаба, правильно, он отвечает за график», — думал Саша, ожидая, пока ему продиктуют номер телефона. Запомнив его, набрал номер и стал ждать. Номер был городской, ответила веселая женщина:

— Алло?

— Диму можно? — спросил Саша.

— Да, сейчас.

Саша услышал, как, смеясь, к телефону подошел мужчина.

— Алло?

— Дим, привет. Это Асов.

— Привет, Саша.

— Дим, у меня отец разбился под Песковым, так что я не выйду третьего на дежурство, я уеду.

— Ладно, понял.

— Ну, пока. — Саша прервал разговор.

Он прошел в комнату и сказал, что завтра выезжает. После этого он позвонил тете:

— Алло, да это он. Я договорился, что завтра выеду около одиннадцати за телом на «Газели».

— Хорошо, я созванивалась с «Ритуалом», они сейчас тоже ищут машину. Если что-то будет, я сообщу.

— Я решил все делать через военную похоронную компанию, завтра в девять встречаемся в офисе с агентом.

— Хорошо, держи меня в курсе.

— Добро.

Попрощавшись с дедом и бабушкой, Асов с матерью пошли домой. По дороге мама спросила:

— Саша, Тоня предложила тебе помощь деньгами?

— Да, мам, — ответил он.

— Возьми, пусть хоть чем-нибудь помогут, хоть раз в жизни.

— Хорошо.

Вернувшись домой, Асов попросил накрыть стол. Он просто сказал, что ему хочется выпить. Хмель медленно овладевал им. Стол поставили напротив компьютера, который работал в режиме телевизора. Пока накрывали на стол, Асов лихорадочно искал документы отца. Его вещи хранились на съемной квартире, но часть вещей оставалась у Саши дома. Небольшой шкафчик в углу комнаты, в котором лежали одежда и документы, точнее, даже всего одно отделение. Асов открыл шкафчик высотой в половину человеческого роста и, сев на пол перед вещами, стал вытаскивать пакеты, которые лежали между одеждой. Знакомый запах одеколона от одежды напоминал ему об отце, о том, что отец реален и что его не может уже не быть. «Вот мое единственное наследство, — говорил Саша себе, — больше я ничего не возьму. Да у него больше ничего и не было. Поганая армия. Поганный гарнизон. Как так можно? Всю свою жизнь он служил, и вот все, что у него осталось. Неужели меня ждет то же самое? Ну уж нет. У отца только-только стало все налаживаться. Он получил свою первую нормальную зарплату и вез деньги, чтобы перевезти свою семью сюда из этого гарнизона. Проклятая песковская земля. Она нам всю жизнь испоганила. Рафида, да. Он ехал к ней. Он погиб, когда ехал к ней. Этим все сказано, значит, ты должен помочь ей. Это многое меняет. Ты должен уважать тот факт, что он погиб, когда ехал к ней».

Сидя за столом и глядя на изображение курантов, Асов пил водку. Не смотря на традицию, он не загадывал в тот вечер заветного новогоднего желания. Этот праздник был одним из двух праздников, который всегда раньше доставлял радость Саше. Теперь навсегда этот день стал для него черным. После двенадцатого удара часов наступил новый год, и экран заполонили надоевшие лица «звезд», разыгрывающих остроумие и не замечающих своей убогости.

Мама уговорила его лечь спать: «Завтра тяжелый день, тебе нужно рано вставать». Однако Асов лег спать только в два часа ночи. Засыпая, он думал: «Как же я его доведу, у меня ведь не хватит сил даже для того, чтобы его поднять. Он весил около ста двадцати килограммов. Он был очень крупным. Здоровым и сильным. Хотя после армии он ушел на пенсию с диагнозом “гипертония второй степени”. Вот чем она его наградила. Теперь ни одна из гарнизонных тварей ему даже не попытается помочь. Почему я в этом так уверен? Нужно срочно забирать его сюда».

Асов проснулся в восемь утра, быстро оценил свое состояние. Голова была светлой, и в целом он чувствовал в себе силы. Однако если бы он и почувствовал себя нездоровым, то просто не обратил бы на это внимания. Он был сосредоточен, и ему было наплевать на собственное состояние. Именно из-за такого отношения, когда не рассуждаешь, а делаешь, у Асова откуда-то и возникали силы. Он чувствовал свой организм и знал, что у него всегда есть резерв сил, похожий на «второе дыхание». Подобное настроение зародило в нем уверенность в себе и стерло сомнения.

Собрать что-нибудь в дорогу у него не оказалось времени. Асов сложил все свои документы и документы отца в черную кожаную борсетку, которую нашел в его вещах. Саша помнил эту борсетку. Наверное, она была ему ровесница. Отец рассказывал, что купил ее, когда служил на Дальнем Востоке. Она не была похожа на современные борсетки, хотя и вешалась при помощи ремешка на запястье руки. Свое свидетельство о рождении и паспорт Асов положил отдельно от документов отца. Не зная, что с собой брать, он взял отцовские свидетельство о рождении, удостоверение ветерана, пенсионное удостоверение, удостоверение о праве на льготы. Саша взял даже пухлую и тяжелую отцовскую «Летнюю книжку» и «Медицинскую книжку», которые остались после увольнения. В этих книжках была записана вся служебная жизнь отца. Его вылеты, типы самолетов, на которых он летал, анализы вылетов и оценки, очередные военно-врачебные комиссии, в общем, все. Эти книжки не поместились в борсетку, и Асов положил их в свою черную наплечную сумку. Свое удостоверение, карточку-заместитель на оружие и вкладыш Асов положил в нагрудный карман черного блестящего пиджака на трех пуговицах. Ему необходимо было выглядеть солидно, и поэтому он решил надеть этот не классический пиджак. Другого подходящего пиджака у него просто не было. Под пиджак он надел черный вязаный свитер с высоким воротником. На синие форменные нательные штаны он надел черные зимние слаксы с покроем, как у джинсов. Надев вторые шерстяные носки, он подготовился, таким образом, провести несколько часов на улице и не замерзнуть. Осталось взять деньги. Асов открыл ящичек своего белого шифоньера и пересчитал деньги. Вместе с зарплатой, новогодней материальной помощью и квартальной премией у него было немногим более десяти тысяч. Он взял все, положил их во внутренний нагрудный карман своего пиджака и прошел на кухню, где его ждали мать с мужем.

Асов выпил, как обычно, очень крепкий и очень сладкий кофе.

— Что будешь есть? — спросила его мама.

— Не знаю, ничего ни хочу.

— Ну поешь хотя бы салата.

— Хорошо. — Асов поел немного и выкурил сигарету. Все это время он старался не думать об отце, сознательно сосредотачивался только на том, что ему предстояло сделать. Нельзя было терять контроль над собой. Если бы он позволил себе думать об отце, то это могло бы подрезать его волю, и он просто бы ушел в депрессию. Однако не думать об отце у него не получалось. Асов чувствовал, как бы это и не звучало глупо, что сейчас его отцу нужна помощь, что сейчас рядом с ним нет ни одного родного лица.

— Давай я тебе бутербродов положу, — сказала мама.

— Нет, не надо. Если что, заедем домой на машине. — Асов прошел в прихожую и стал надевать верхнюю одежду. Он посмотрел на свою коричневую зимнюю дубленку и вспомнил, что эту дубленку подарил ему отец. Это было

несколько месяцев назад. Отец позвонил ему на мобильный. На фоне уличного шума Асов услышал радостный голос отца, который сказал, что на рынке «чистят» монголов или китайцев и они вынуждены срочно «сбрасывать» товар. Отец случайно проходил около рынка и, как любой любознательный человек, заинтересовался царившим там оживлением. Он предложил Саше купить дубленку всего за тысячу и спрашивал, какой у него размер. Но Саша отказался. У него не было тогда свободных денег. Однако вечером отец приехал к нему домой. Он купил две одинаковые зимние дубленки и подарил одну Саше. Оставалось только выбрать подходящую по размеру. Отец был крупнее Саши и ниже ростом. У него не было вредных привычек, и в молодости он успел стать чемпионом города и кандидатом в мастера спорта по греко-римской борьбе. Он корил Сашу за то, что тот бывал слабее одноклассников, хотя те были старше его, и поэтому Саша стал заниматься в секциях. Саша выбрал темно-коричневую дубленку, у нее были длиннее рукава, а черная была более объемной.

Взяв рыжий пушистый шарф из ангорской шерсти, Асов опять вспомнил, что этот шарф был отцовским. Он купил его в одной из командировок и носил, когда служил в ЗГВ*. Когда сын вырос, шарф перешел к нему. Саша натянул черную вязаную шапочку и черные зимние туфли, перекинув через плечо потяжелевшую наплечную сумку. Он был готов. В прихожую вышла мама и тоже оделась. Вместе они вышли на безлюдную улицу. На ходу он нашупал в карманах свои тряпичные черные перчатки, но надевать их не стал.

Асов приспособился к тому, что жизнь глупая и жестокая вещь, что она бьет при каждом удобном случае, и никто не может помочь и защитить, кроме него самого. Асов привык рассчитывать только на себя, ему просто не на кого было рассчитывать. Но он никогда бы не признал, что жизнь может его сломать. Слаб он был или силен, он никогда бы не позволил ей себя сломать, он просто не заикливался на проблемах и шел к цели. Далекую или сиюминутную, Саша просто всегда выбирал какую-нибудь цель. Сейчас эта цель отвлекала его от эмоций. На непривычно пустом, с заледеневшими стеклами троллейбуса они доехали до центра города. Мать взяла его под руку, и они пошли под мост, под которым располагалась дорога, ведущая за город. Перейдя перекресток, они оказались около двухэтажного коричневого дома старой планировки. На первом этаже была широкая металлическая дверь, окрашенная в черный цвет. Сбоку от двери висела табличка, на которой большими позолоченными буквами было написано: «Военная похоронная компания». Дверь была заперта.

Около здания находилась стоянка такси и было круглосуточное кафе, куда после ночной смены и перед началом дежурства заезжали гаишники, чтобы выпить горячего кофе и перекусить пирожками или беляшами. По-

* Заграничная группа войск.

этому хотя в городе и было пусто, как бывает утром после праздника, около кафе вперемешку с таксистами сновали люди в форме.

Асов взгляделся в лица, но знакомых не увидел. Он посмотрел на часы: было восемь сорок пять. Они зашли в кафе, и Саша купил себе карточку для пополнения средств на телефон. Они стали ждать, когда откроется похоронная компания. В девять часов Саша позвонил агенту. Долго шли гудки, а затем прозвучало приветствие автоответчика. Прервав звонок, Асов стал ждать. От мысли, что агент его обманула и ничего не выйдет, становилось еще хуже. Выхода не было, приходилось ждать около этих черных траурных ворот.

Несмотря на уговоры, мама оставалась с ним рядом, пока он вглядывался в приезжающие машины в надежде, что в одной из них приедет агент. Снова набрав ее номер, он услышал ответ: скоро приедет. Асов знал, что большинство необязательных людей после новогодней ночи вряд ли будут пунктуальными. Он продолжал ждать, нервно куря, на улице.

Ему позвонила тетя:

— Как у вас дела? — спросила она.

— Ждем агента, тетя Тоня.

— Да?

— Не могли бы вы одолжить мне денежку? — и про себя добавил: «Наконец-то произнес». Дело в том, что перед разговором Асов долго подбирал слово, как назвать деньги. Его коробило от звуков этого обыденного слова, он ненавидел деньги, презрительно к ним относился и считал их всего лишь средством.

— Сколько нужно?

— Тысяч десять.

— Десятью не обойдешься. Я подвезу деньги. Когда?

— Сейчас я договорюсь с машиной и перезвоню вам.

— Ладно. Я узнала про похороны. Можно снять зал в «Похоронном доме».

— Хорошо. — Асов увидел, что к двери похоронной компании, выйдя из такси, подходит женщина средних лет. Он прервал разговор и подошел к ней. — Вы Светлана Николаевна?

— Да, проходите. Это вы мне звонили, — утвердительно сказала она, отпирая ключом дверь. За железной дверью оказалась еще одна деревянная дверь, на которой висел бумажный листок с фразой «Осторожно, за дверью ступеньки». Мама следовала за Сашей.

Как только Асов зашел в офис компании, ноги у него стали ватными, а шаг потерял уверенность и четкость. Стала еще более очевидна утрата. Помещение располагалось на первом этаже, ниже уровня земли, имело сводчатые низкие потолки, отчего казалось, что это подвал. В замерзших окнах, почти на уровне глаз, темнел тротуар. Сами по себе полутемные комнаты подобной планировки давят. Хуже всего было то, что все комнаты были застав-

лены изделиями похоронной атрибутики. На стенах висели стенды с фотографиями памятников, надгробных плит, венков и т. п.

Женщина прошла дальше, в другую комнату, расстегивая на ходу шубу и снимая меховую шапку. Асов оказался в прихожей. Поочередно в комнатах, гудя и потрескивая, разгорались лампы дневного света, заполняя своим гулом все помещение. Воздух был тяжелым и затхлым, и в нем резко выделялся запах хвои и свежего дерева — запахи, которые в своем сочетании ассоциируются с похоронами. То присутствие духа, которое Асов в себе поддерживал, сразу пропало. Напротив входной двери, у стены, стояла надгробная плита-образец, а на стене висел стенд с фотографиями могил.

Из этой своеобразной прихожей Асов прошел в более просторный зал, в котором, сразу слева от входа, стоял стол, заваленный бумагами, и на нем — телефон-факс. Рядом со столом — два офисных стула. Вся остальная часть зала была заставлена венками с ценниками. В углах и у стен стояли высокие деревянные православные кресты. В дальнем углу на подставках он увидел раскрытый гроб орехового цвета с крышкой из двух створок. Одна из створок была открыта, обнажая белую чистую обивку. Его борта отсвечивали лаком. Асов понял, что это выставочный экземпляр, о чем явственно говорил ценник под ним. «Боже мой, почему так дорого? — с горечью подумал он. — Проклятая служба, я не потяну такой своему отцу. Возможно, у них есть кредит?» У дальней стены, за венками, находилась надгробная плита с широкой цветочницей, в которой топорщилась низкая искусственная поросль. Пол так был заставлен венками, что они почти перегородили вход в еще одну комнату, в которой можно было разглядеть лишь угол письменного стола и из которой шел монотонный гул вытяжки.

Послышался скрип створок шкафа, и из соседней комнаты вернулась агент. Она, скинув верхнюю одежду, уселась за стол, бросив Асову и его матери:

— Присаживайтесь, — указав на стулья за столом. Асов снял шапку, положил ее в свою сумку и сел на дальний стул. Мама села напротив него.

— Секундочку, — снова сказала женщина и стала звонить по телефону.

Спустя некоторое время она сказала в трубку:

— Привет. Ну, как? Я? Нормально. Слушай, давай подъезжай уже. — Потом она повесила трубку и, посмотрев на них, спросила: — На кого будем оформлять похороны?

— В смысле? — переспросил Асов.

— Заключать договор.

— На меня, а что?

— Видите ли, лицо, которое осуществляет захоронение, имеет право на компенсацию. У вас пенсионное удостоверение с собой?

— Да, — ответил Асов и вытащил из сумки отцовскую борсетку. Он положил ее на стол и стал вытаскивать все документы, выискивая нужный. Агент с интересом рассматривала их. Наконец она отложила один и спросила:

— Оформлять документ на вас? — и посмотрела сначала на Асова, а потом на его маму.

— Да, на сына, — ответила за него мама.

— А вы кем ему приходились?

— Я первая жена, — вздохнув, ответила мама. — Он сын от первого брака, и единственный.

— Отец ехал в гарнизон ко второй семье, чтобы забрать ее сюда, и по дороге разбился, — сказал Саша.

— Дело в том, — добавила агент, — что жена имеет право на единовременное пособие по потере кормильца.

— Хорошо, — ответил Асов, — но давайте сейчас решим, как будет транспортировано тело.

— Сперва нужно заказать гроб, — ответила агент.

— То есть? А там нельзя? — не понял Асов. Он заподозрил, что агент пытается просто «сплавить» именно свою продукцию.

— Ну вам его в чем-то везти сюда нужно, — ответила агент, — а гроб нужно уже сейчас делать.

— То есть его изготовят сейчас?

— Да, у нас есть стандартные заготовки. В течение двух часов он будет готов. Какие размеры?

— Гроб, скорее всего, нужен не стандартный. Отец был очень крупного телосложения, а рост... — Асов посмотрел на маму, от волнений он забыл рост отца.

— Сто семьдесят три.

— Угу, — ответила агент. — Сейчас я перепишу данные пенсионного удостоверения и мы пойдем выберем.

«Точно, — вспомнил Саша. — Каждое последующее поколение выше предыдущего на десять сантиметров. Так говорил отец, комментируя, что я выше его».

Агент стала переписывать данные пенсионного удостоверения на белый листок. В этот момент зазвонил ее мобильный телефон. Она ответила на звонок и, прижав трубку плечом к уху, продолжила писать.

— Ага, привет, — ласково произнесла она. — Да, вот разбираюсь с заказчиками, которых ты мне вчера подсунул.

Что-то выслушав, она ответила:

— Конечно, получишь, ну пока. — Переведя взгляд на них, она добавила: — Пусть пенсионное удостоверение побудет у меня. Я пойду в военкомат, чтобы они подключились, нужен документ. А у него там знакомые какие-нибудь были? — спросила агент, и Асов понял, что она намекает на связи.

— Нет. Сразу после увольнения из армии он работал несколько месяцев в Октябрьском военкомате, но таких уж знакомых не приобрел, а во Фрунзенском просто состоял на учете. Конечно, они его помнят, по работе он контактировал со всеми военкоматами. Он отвечал за мобподготовку, но вряд ли

кто-нибудь станет тут помогать, — с грустью произнес Асов. Да, Саша был прав.

— Ладно, — вздохнув, ответила агент.

— Еще вопрос, — перебил ее Асов. — Отец часто говорил, в шутку правда, что ему как офицеру положен салют.

— Не салют, а залп, — пояснила агент, хоть Асов и не уловил в чем разница. — Не знаю, будет ли в этот раз караул. Все-таки выходные. Обычно так и поступают.

— Он офицер и должен быть похоронен как офицер, — безапелляционно и спокойно заявил Саша. Он знал, что звание офицера дает обязанности, а не привилегии. Обязанность быть первым и лучшим, вести за собой. И за то, что его отец нес на себе тяжесть такого звания, теперь ему должен был быть оказан этот знак уважения.

— Ладно, пойдемте, — агент встала из-за стола и пошла в ту комнату, которую Асов не смог разглядеть.

Стараясь ненароком не задеть расставленные по полу венки и корзины с искусственными цветами, Асов с мамой прошли за агентом.

Комната, в которой они оказались, была такой же, как и предыдущая, только меньших размеров, но с таким же выгнутым бетонным потолком и заплесневелыми стенами, которые застыли от мороза. Напротив боковой стены стояли два стола, на которых были сложены какие-то бумаги. На внешней стене имелось маленькое полуовальное оконце, почти полностью закрытое алюминиевой коробкой с электромотором и вентилятором. Эта коробка и была источником звука вытяжки.

Асов не ожидал увидеть в этой комнате одну немаловажную деталь. Она застала его врасплох, так как его сознание вдруг застыло от отчетливой мысли, что сейчас эта деталь касается непосредственно его.

Одна из стен этой комнаты была не чем иным, как фанерной перегородкой с деревянной, покрытой лаком дверью. Агент щелкнула где-то выключателем и прошла в эту приоткрытую дверь, скрывшись за перегородкой. Чуть различимое раньше, а теперь хорошо видимое содержимое этой комнаты стало причиной ступора Саши. Медля, Асов пропустил вперед маму, и она тоже скрылась за перегородкой. Наконец он перешагнул порог.

Все пространство за перегородкой было заставлено гробами, и оставался лишь маленький пяточок около перегородки, где и стояли теперь три человека. У переднего ряда гробов на бортах висели ценники. Обычные деревянные гробы, обитые красной материей. Крышки их были немного сдвинуты в сторону, обнажая внутреннюю обивку. Именно от них шел тот запах, который придавал особенность этому затхлому воздуху. До этого момента Асов любил запах хвои, который ассоциировался у него со свежестью и малой Родиной. С теми местами, сосновыми борами, где и родился, на границе Сибири и Урала.

Сейчас Саша и начал более осознанно понимать то, что у него больше нет отца. Что всего лишь несколько часов назад отец был, а теперь он — Александр Сергеевич Асов, даже с именем, которое дал ему отец в память о друге и мечтах, которые он хотел реализовать в сыне, — стоит в этом помещении и выбирает для него гроб. Последний материальный подарок для близкого человека. Он стал понимать, что нет одного из двух родных людей, которые держат его на этом свете. Что грань между бытием и небытием очень прозрачна. Смерть может наступить в любое мгновение. «Почему я не успел выразить ему всю свою любовь раньше? Так много не рассказал ему? Так много не сделал для него? — И Асов понял. — Ясно, если хочешь понять, как дорог тебе человек, если хочешь отдать ему все, что он заслуживает, и ты не знаешь эту меру, силу чувств к нему, просто представь, что завтра его не будет. Тогда ты все ему простишь». На самом деле, как всегда, Асов был слишком строг к себе. Он уже давно простил отцу все, на что раньше обижался, и принимал его таким, каким он был. С горечью Саша чувствовал, что отец, который жил со второй семьей, все больше отдаляется от него, не заботится о нем, даже не интересуется жизнью и переживаниями сына.

Между тем агент говорила, и то, что она вела себя так буднично, позволяло Асову сосредоточиться и не поддаться панике:

— Вот этот с покрытием из бархата, — она указывала рукой на конкретный гроб, объясняла их различие в цене. — Этот с ручками, этот с постелью внутри: покрывало и подушка. Этот просто с креплениями и застежками на крышке. Какой?

Асов решил взять самый дорогой. Но у некоторых на крышках были прибиты чеканки в виде православных крестов. «Главное, чтобы обязательно был один из таких», — решил он. Мама указала на один из гробов:

— А это какой?

— Покрытие из бархата, по бокам декоративные ручки, внутри постель, — агент отодвинула крышку. — Покрывало и подушка шелковые. Запоры на крышке, — она поставила крышку на место и указала на саморезы с пластмассовыми ручками по краям крышки.

— Ну, что? — спросила мама Сашу.

Асов посмотрел на крышку. На ее боках были прибиты черные ленты, а на лицевой стороне тускло мерцал медным отблеском православный крест. На ценнике сумма стояла выше, чем на остальных.

— Хорошо, — ответил Асов, глядя на рядом стоящий гроб, на крышке которого разместились обычные защелки, как на крупногабаритных ящиках. Его передернуло от мысли, что содержимое ящика с такими застежками будет восприниматься только как груз.

— Идет, — ответила, облегченно вздохнув, агент. — Значит, номер пять-десять один.

Они вышли из комнаты, и агент, как бы вдруг что-то вспомнив, спросила:

— Временный крест будете ставить? — Увидев вопрос в их глазах, она пояснила: — Ну пока памятник не поставят.

— Да, надо, — ответил Асов.

— Тогда пойдемте выберем. Дату какую ставить? — И агент снова пошла в первую комнату.

— 02.02.1958 и 31.12 прошедшего года, — ответил Асов и подумал: «Несколько месяцев ему не хватило до сорока семи лет».

У входной двери стояли деревянные кресты около двух метров высотой. Они отличались разными оттенками темных цветов, однако были православными, то есть с прибитой наискосок планкой под основным перекрестием. «Значит, это временные кресты, вот для чего они здесь стояли», — понял Асов. Он выбрал крест, не думая о цене.

После этого агент села за стол в зале и стала выписывать ряды чисел на маленьком листочке и складывать их в столбик. Одновременно она подняла трубку телефона и стала звонить:

— Леша? Привет. Прими заказик, срочный. Номер пятьдесят первый. Не стандарт.

Она продолжила что-то обсуждать, но Асов уже ее не слушал. В это время в помещение вошла старая женщина. Она ходила по залу и вела себя спокойно и деловито, с интересом рассматривая похоронную атрибутику. «Возможно, большинство людей так себя и ведут в подобных ситуациях», — подумал Асов, угрюмо всматриваясь в передвижения старухи. Все, что касалось людей, Саша воспринимал как пессимист, все, что касалось неодушевленных вещей, он воспринимал как оптимист. Он стремился не быть похожим на большинство людей, которых воспринимал как эту старуху. «Не важно, что думают обо мне окружающие, гораздо важнее то, что думаю о себе я сам. Пусть все будут мрази, это не значит, что я должен быть одним из них». Он стремился быть «нормальным», то есть, в его понимании, человеком, чья внутренняя морально-нравственная шкала ценностей соответствует общепринятым ценностям, а не тем, которые появились в нашем обществе в последнее время, таким как цинизм и приспособляемость.

Агент заметила пришедшую женщину и, закончив разговор по телефону, обратилась к Асову:

— Подождите несколько минут, и мы продолжим.

— Хорошо, — ответил Асов и, встав со стула, прошел в комнату с вытяжкой. Мама сказала ему:

— Пойду подышу свежим воздухом.

Он кивнул ей и зашел в комнату, оставив дверь приоткрытой.

Прислонившись к косяку двери, Асов смотрел на гробы. Он перешел в эту комнату потому, что ему внезапно захотелось побыть одному. Саша принадлежал к той породе людей, которые предпочитают переносить свою боль в одиночестве. Он вздохнул, глядя на деревянные ящики, обитые материей,

и понял, что переоценил свои силы, потому что неожиданно для себя тихо произнес:

— Папа, папа, папа. Как же так? — Его взгляд вдруг подернулся дымкой, которая была не чем иным, как влагой, внезапно искажившей изображение в глазах. Все вокруг расплылось и потеряло свои очертания, приняв вид нечетких пятен. Из груди вырвались рыдания, которые он, как мог, заглушил, но его всего трясло, по щекам текли слезы. Он плакал. Абсолютно неожиданно для себя. Он плакал, пытаясь не издать ни звука. Боясь, что кто-то это заметит, он взял край своего шарфа и прижал его ладонью левой руки к своим глазам.

Асов уже успел перенести многие тяготы и лишения, какие выпадают не каждому человеку. Но он не плакал уже много лет и успел забыть это чувство. То, что с ним сейчас произошло, не удивило его, он просто вспомнил, что это такое, и принял как есть. Теперь, одинокий и убитый горем, он стоял и плакал в комнатке с гробами. Он прятал свое горе, свои чувства и свою внезапную слабость, потому что четко осознавал, что он остался один и сейчас слабость для него непозволительна, как и нерешительность. Возможно, эта слабость не воспринималась бы окружающими негативно, но ему не хотелось, чтобы его видели. Сейчас его не волновали стыд и сочувствие к себе. Нет. Он просто оплакивал своего отца.

Асов стал медленно и глубоко дышать, но сомкнутые губы предательски дрожали. Затем он заставил себя ни о чем не думать, сосредоточившись взглядом на мерно и монотонно гудящей коробке из нержавеющей стали — вентиляторе в оконном проеме. Саша стал делать глубокие вдохи, как после напряженного бега. Одновременно он закрыл глаза и в конце глубокого вдоха закатывал глазные яблоки вверх. Такое движение глаз чуть раздражало участок мозга, который затормаживал нервную систему, успокаивая ее. Прием, который Асов заучил и апробировал ранее, подействовал и теперь.

Боясь, что глаза красные, а ресницы еще не высохли от слез, но не желая больше оставаться в этом помещении, он вышел в зал, намереваясь идти на улицу. Проходя мимо агента и сидящей перед ней за столом старушки, он услышал отрывок разговора:

— Да нет, не надо. Пусть все будет по-простому. Зачем ей это? — говорила старушка. — Мы с ней были просто соседи, — добавила она, как бы оправдываясь. При этом она укладывала в обычные целлофановые пакеты беспорядочно разбросанные по столу медали тускло-желтого цвета и маленькие книжечки документов в красных обложках.

«Значит, умерла фронтовичка, — решил Асов. — Настолько одинокая, что организовать похороны взялась соседка. При этом она не желает обременять себя». Мгновенно перед мысленным взором Асова промелькнуло несколько вариантов, как одинокий ветеран мог оказаться в подобном положении. Старушка и агент быстро взглянули на Сашу, агент задержала свой

взгляд на нем, но выражение ее лица не изменилось. На выходе Асов встретил маму, которая вернулась с улицы:

— Пойду покурю, — сказал он ей.

Морозный воздух подбодрил Асова. Он старался никогда не курить на улице, потому что при курении ослабевал иммунитет и можно было легко подхватить болезнь горла или легких, но в данный момент ему было все равно. Через несколько минут он уже смог подготовиться к новой встрече с давящей атмосферой похоронного бюро.

Из бюро вышла старушка, и Асов вернулся к агенту, которая продолжала что-то высчитывать на маленьком листочке бумаги. Мама сидела на одном из стульев, рядом со столом. Увидев Асова, агент оторвалась от своего занятия и спросила:

— Венки какие будете брать?

— Не знаю, — ответил Саша.

— Пойдемте посмотрим. Надписи на лентах какие делать? — снова спросила она. — Вот, смотрите, — указала она на большой венок треугольной формы, в середине которого искусственные цветы были раскрашены так, что образовывали российский триколор: — «От сына» или «Любим и скорбим»?

— Давайте так, от сына, — ответил Саша.

— А еще от родственников, от родителей?

— Не знаю, — снова сказал Асов, затем, сделав над собой усилие, добавил: — Ладно, пусть будут.

— А какие?

— Все равно, — ответил Саша.

Снова они вернулись за стол и стали ждать, когда агент закончит свои вычисления. В тишине мерно раздавался лишь гул вытяжки. Затем хлопнула входная дверь и в комнату вошла еще одна женщина в длинном черном пальто. Она была высокой, явно старше среднего возраста. Женщина перекинулась приветствием с агентом, и Асов понял, что это вторая агент. Она прошла в глубь комнаты, куда-то к вытяжке, и, открыв дверцу стоящего там шкафа, повесила в него пальто и положила шапку. Раздевшись, она прошла к зеркалу около входа в комнату и стала поправлять прическу. Асову очень много рассказали о ней ухоженное лицо и одежда, скрывавшаяся под пальто. Несмотря на возраст, она выглядела очень молодо.

Первым делам Асов обратил внимание на то, что хотя она и работала в доме скорби, ее черные брюки были так туго натянуты на бедрах, что выделялось нижнее белье. Блузка была с яркими цветами. Между тем Саша поймал себя на мысли, что не может поймать ее взгляд. Ее глаза виновато бегали по комнате.

«Интересно, сколько ей лет? — размышлял Асов. — Хотя у современной женщины уже невозможно определить возраст по внешнему виду. Школьницы выглядят как тридцатилетние, а тридцатилетние — без возраста. Да,

не секрет, что чрезмерная беспорядочная половая жизнь преждевременно старит». Поэтому он решил не угадывать ее возраст, а узнать: в чем же она виновата? Вскоре он понял.

— Ты водителя нашла? — спросила ее первая агент.

— Понимаешь, Света, — стала говорить она, почему-то глядя на Асова. — Никого нет. Я позвонила Олегу, Паше — никто не отвечает на звонки.

— Галя, какая разница. Есть же график дежурств. А клиентам наши проблемы знать не нужно. Ищи.

— Ну ни до кого дозвониться не могу, — снова сказала она.

— Кто дежурит по графику?

— Антон.

— Вот и звони.

— Сейчас, — она села за один из свободных столов, вытащила из его ящика бумажный лист и стала звонить по телефону на столе.

Асов угрюмо смотрел на нее. Он даже не допускал мысли о том, что не сможет выехать за телом. Внутренний голос говорил ему: успокойся и не думай об этом, не заботься. «Поезд? — думал он. — Нереально. Не договориться сейчас, за короткое время, с почтово-багажным. Потом грузовое такси до гарнизона: из Питера в глухомань Песковской области. Нереально. Выезжать нужно только отсюда и на автомобиле. Дура какая-то эта Галя». Саша обернулся к Свете и, пытаясь вызвать конкурентную неприязнь, спросил:

— А в «Ритуале» машины нет?

— Нет, нет, — поспешно ответила ему агент.

— Как спит? — Раздался голос Гали. — Поздно пришел? Но он сегодня дежурит, — виновато выдавила она из себя. — Нужно ехать за грузом в Песков. Как не встанет? Не поедет? Ладно, до свидания, — к удивлению Асова закончила та разговор и положила трубку.

«Ни хрена себе, — подумал Саша. — Да скажи у нас кто-нибудь, что он в свое дежурство не выйдет на работу, потому что всю ночь пьянствовал, а теперь отсыпается, и ему на все насрать, его бы мигом вышибли в “народное хозяйство”. Да уж, контора. Хотя, может быть, это и к лучшему. Доверять ответственную работу такому чму, да еще с похмелья, нельзя и даже опасно». Галя снова посмотрела на Асова и сказала:

— Я не знаю, что делать, — слишком быстро решила она. Асов еще не успел как следует разозлиться на нее, как Светлана Николаевна раздраженно произнесла:

— Галя, какое дело клиентам до наших проблем, что ты тут устраиваешь? Позвони в Горск. Там же наш филиал. Позвони частнику, наконец. Давай, звони.

Затем она обратилась к Асову:

— Место где будете заказывать? — она стала объяснять Саше, увидев в его взгляде вопрос. — У нас сейчас единственное городское кладбище в Радостево. Вы на общем будете его хоронить или на воинском?

Вместе с недоумением по поводу названия кладбища, которое кроме кретина-чиновника придумать никто не смог бы, внутри что-то подсказывало, что по всему, естественно, хоронить нужно на воинском.

— На воинском конечно, — ответил он.

— Точно?

— Да.

— Да, наверное, это правильно, — нехотя согласилась она. — На воинском участки распределяют большие. На два места сразу, то есть с возможностью подложения. Ограду только нужно заказывать непосредственно на кладбище. Памятник же можете через нас, от государства, ну, это мы потом обсудим.

— Да, отец часто насмеялся над тем, что государство обязано обеспечить ему памятник. При установке памятника через вас расчеты по безналу или военкомат выдаст непосредственно деньги?

— Расчеты все по безналичному расчету. Да, и вот еще что: кто будет забирать свидетельство о смерти? Просто мы делаем на нем отметку, что памятник установлен.

— Я.

— Дело еще в том, что оно существует в единственном экземпляре. Его выдают только на основании справки о смерти. Соответственно и право на наследство может заявить только тот родственник, у кого оно на руках. Остальные наследники заявить свои права на наследство без свидетельства не смогут.

— Вот как? А как же закон, наследственное право и Гражданский кодекс? — невесело усмехнулся Асов.

— Понимаете, любые копии со свидетельства о смерти недействительны. Таков порядок. Поэтому, когда будет проходить оформление, то вы будете его только показывать. У нас часто бывают такие скандалы, некрасивые ситуации, когда родственники не дают другим свидетельство о смерти, даже не выпускают его из рук, и даже завещание в этом случае не действует. Все переходит в доход государства или... — она замялась, подбирая слова.

— Недобросовестных наследников, — подсказал ей Асов.

— Да. Ну, вы сами понимаете, что споры из-за наследства не редкость. У вас как?

— У него осталась вдова, а мне ничего не нужно. Что касается родителей, то они ему никто. Можно сказать, что они его и... В общем, здесь проблем не будет. Я все сделаю по-своему, — внутренне похолодев от такого решения, произнес Саша.

— Хорошо. Вот, — агент, наконец, показала им листок, на котором что-то высчитывала. — Я подсчитала всю организацию похорон. Всего десять тысяч девятьсот рублей.

— Заплатить сейчас?

— Лучше сейчас, потому что из этих денег пойдут расходы на бензин катафалку и еще на разные мероприятия.

«Что ж, деваться некуда», — подумал Асов.

— А квитанция, договор?

— Квитанцию я сейчас выпишу. Договор лучше потом, кроме того, у меня сейчас нет бланков и, может, будут дополнительные расходы, которые нужно записать в договор.

— Хорошо, — согласился Асов, — есть одна деталь. Его родная сестра хочет, чтобы его поместили в «Похоронный дом».

— Не в городской морг?

— Нет. Это можно устроить?

— Да, но там нужно будет платить аренду. Это можно оплатить потом.

— Понятно. А мои документы вам не нужны? — блефанул Асов.

— Какие?

— Паспорт, свидетельство, удостоверение?

— Вы тоже военнослужащий?

— Нет, — и Асов вытащил удостоверение, карточку-заместитель на огнестрельное оружие и положил их на стол перед агентом. Она взяла его, раскрыла и прочитала. Что ж, Асов давал понять: за обман рассчитается. Хотя, по сути, защититься он бы не смог. Блата все равно не было, а по закону все было бы слишком долго, трудоемко и без гарантии справедливости; впрочем, наказание все равно было бы смехотворным, то есть мера тяжести деяния не соответствовала бы мере тяжести наказания. Впрочем, сейчас для него было главным, чтобы отца просто достойно похоронили. Ни цена, ни собственное здоровье его сейчас не волновали. Но в данный момент он просто решил сыграть на страхе и неведении агента.

— Нет, ваши документы не нужны, — ответила она.

— Ладно, — сказал Асов и, не считая, выложил на стол все свои деньги, потому что он точно знал, сколько там. Затем посмотрел на маму и попросил: — Дай еще полтинник.

Она вытащила из сумочки кошелек и положила в кучку купюр на столе еще одну купюру. Агент отдала Саше листочек с расчетами:

— Постарайтесь его сохранить, для договора, — после чего взяла деньги и пересчитала их. Закончив, она взяла бланк квитанции и стала его заполнять, положив под него копирку для копии. Воспользовавшись передышкой, Асов позвонил тете:

— Алло? Тетя Тоня?

— Да, — ответил голос в телефонной трубке.

— Договариваться насчет «Похоронного дома»?

— Да, конечно. Я уже узнавала. Там есть два зала: малый и большой, для прощания и отпевания. Я решила взять большой. Он рассчитан на двести человек. Народу будет меньше, но я подумала, что в малом будет душно.

В основном будут люди пожилые, и они могут задохнуться от дыма свечей и ладана.

— Хорошо, я попрошу агента связаться с «Похоронным домом». А как у вас насчет машины?

— Ищем, нигде в городе нет. Сейчас будем звонить в грузовое такси. Может, они согласятся.

— У нас тоже маленькая запинка. Все водители пьяны, но агенты кого-нибудь ищут.

— Хорошо. Держи меня постоянно в курсе. О деньгах не думай, — снова сказала она ему.

— Добро, спасибо. — Асов нажал кнопку разъединения на своем мобильном телефоне. Затем он посмотрел на Светлану Николаевну, которая запира-ла сейф с деньгами. После этого она передала Саше квитанцию.

— Ну, как дела с катафалком? — спросил он ее.

— Сейчас найдем. С «Похоронным домом» состыковываться?

— Да.

— На какое время назначить похороны?

— Так. Сегодня первое. Если сегодня выезжаем, то второго, максимум третьего, мы будем здесь.

— А время? На кладбище хоронят в час и в три.

— На три, — повинуюсь некому инстинкту и пытаюсь выполнить правило о том, что по православному обычаю тело должно быть предано земле на третьи сутки после смерти, назначил Асов. Все равно внутри он сомневался, что успеет к третьему числу. Время похорон, три дня, показались ему богоугодным временем. Это потому, что цифра три была противовесом числу зверя. Своим смутным дремучим суеверием, которое стало просыпаться в нем, Саша предполагал, что будет, если он не успеет. Отец умер насильственной смертью, и если не выполнить правило трех дней, то, может быть, он заберет с собой еще троих в течение года — так помнил Саша из детских «дворовых страшилок». Нет, Асов не боялся этого. Он скорее желал, чтобы погибли те, кто виноват в смерти отца. В данный момент он наплевал на справедливость, мораль, и ему хотелось мести. Однако стремление соблюсти обычай было связано не с какими-то религиозными верованиями или языческими обрядами Асова. Нет. Причина его верования заключалась не только в уважении к традициям, она была связана с детскими воспоминаниями. Когда он был еще ребенком, плохо понимал, что такое смерть, и даже боялся смотреть фильмы ужасов, зимой в гарнизоне разбилась машина. Погиб один водитель. Его похоронили на четвертый день. В воспоминаниях Саши осталось, как перед похоронной колонной несли на бархатных подушечках орден и медали усопшего, а сзади — ярко-красный гроб и его крышку, на которой лежала фуражка. В толпе бродили слухи о том, что раз нарушен обряд похорон, то покойник вернется и заберет с собой еще троих. Весь год по дво-

рам вокруг гарнизона выли собаки. И действительно, в тот год насильственной смертью погибли еще трое абсолютно посторонних покойнику жителей гарнизона.

Еще мысли Асова возвращались к Рафиде. Это была вторая жена отца. После развода через какое-то время отец с мамой решили вновь соединиться, и Саша был счастлив. Человек, который имеет стабильную семью, не ценит ее и вряд ли поймет надежды и стремление сохранить любимым способом семью и брак родителей, чьи взаимоотношения давно уже перешли в категорию неприязненных. Теперь, уже став взрослым, он понимал, что жить вместе им было тяжело, и не должны они были мучиться только из-за его просьб остаться вместе. Отец уехал в командировку в суверенный Таджикистан, в контингент миротворческих сил. По возвращении оттуда они и должны были стать вновь семьей. Все знали дату его возвращения. Но к назначенному сроку он не позвонил и не приехал в Опольск. Позвонил сам Саша, в гарнизон. Асов догадался, хоть отец и не говорил об этом, что произошло что-то, о чем ему больно сказать сыну. «Другая женщина», — решил тогда Саша. Так и было. Минувя Опольск, отец проехал в гарнизон, ничего не сказав и не объяснив родне. В то время он еще служил последний год перед дембелем, хоть пенсию заслужил уже давно.

В Таджикистане отец встретил медсестру, подрабатывающую коммёрсанткой и возившую на продажу товары на Пальмир, используя русских летчиков и их самолеты или вертолеты. В один из таких рейсов она и познакомилась с отцом, который был заместителем командующего миротворцев по транспортным воздушным перевозкам, хотя имел звание майора без академического образования. «Золотые головы» всегда используют, не обращая внимания на покупные регалии, когда необходима четкая, грамотная и не показушная работа. Когда Саша спрашивал, отец рассказывал ему о новой жене, особенно подчеркивая тот факт, что она коренная пальмирка, то есть принадлежит к самой образованной народности бывшего Советского Союза, о котором тоскуют почти все, кто успел в нем пожить. Еще он подчеркивал, что она молода. Когда они познакомились, ему было сорок четыре, ей тридцать два. Рафида бросила все, что было у нее в Таджикистане и Душанбе, — работу, дом, и вместе с маленькой дочерью поехала за отцом в заброшенный гарнизон в Песковской области. Получив гражданство по браку, она продолжила жить в гарнизоне, в квартире, которая когда-то была домом Саши. Дочь пошла в гарнизонную общеобразовательную школу.

Естественно, что Саша не принял Рафиду. Он ругался с отцом, а тот отвечал, что они любят друг друга. Саша не верил во все это и, может быть, был прав. Может, Рафида пыталась убежать из Таджикистана, от гражданской войны, беспредела, нищеты и наркотиков, а отец искал молодую жену, которая бы ухаживала за ним в старости. Но в конце концов, видя, что все бесполезно, Саша решил не лезть в их взаимоотношения, так как не имел права

указывать отцу, тем более давить на него. Рафида так и не устроилась на работу, и отец, приехав в Опольск, стал работать в военкомате. Всю свою пенсию он высылал в гарнизон, а на крошечную зарплату пытался жить сам. Часть финансовых неурядиц легла на плечи Саши, что и подорвало его нищенское состояние госслужащего. Когда же отец нашел высокооплачиваемую работу, Саша обрадовался, что теперь-то уж все будет хорошо, хотя отец все равно не мог помогать ему деньгами или считал такую помощь неправильной. Скорее всего, отцу пришлось переступить через себя, потому что он пошел на работу в фирму своей родной сестры. Теперь же Рафида осталась совсем без средств к существованию, и Асов понял, что «там» отцу очень тяжело осознавать это.

Вместе с тем Саша видел, как положительно изменился отец из-за встречи с Рафидой. Как и все физически сильные люди, он был вспыльчив, категоричен, но стал намного спокойнее. Отец так заботился о Рафиде и ее дочери, как не заботился о Саше и его матери. И... забывал о Саше, стал относиться к нему все более равнодушно.

Теперь, когда отец погиб, Асов решил, что не вправе оставлять Рафиду без помощи, хотя по большому счету считал, что помочь ей не сможет. Асов знал, что Рафида боится его, потому что он однажды сказал ей, что если она причинит хоть какой-нибудь вред отцу или обманет его, то Саша найдет ее где угодно. Теперь же она косвенно стала виновата в смерти отца, но Саша решил, что отец будет недоволен, если он оставит ее без помощи или хотя бы без сочувствия.

Асов знал, что отец вез в гарнизон деньги, и довольно-таки крупную сумму. На фирме ему впервые заплатили полную зарплату, еще выплатили новогоднюю премию. После так называемой стажировки отец совмещал в фирме три или четыре руководящих должности. Работал день и ночь. Сильно уставал, иногда шла кровь горлом и из носа. Несмотря на это, отец был рад: первые его усилия соответствовали материальному вознаграждению и появлялась надежда на благополучие. Отец вез деньги, чтобы отметить Новый год, собрать и отправить контейнер с вещами из гарнизона и перевезти новую семью в Опольск.

Асов не знал, сколько зарабатывал его отец. Однако тот факт, что для поездки в гарнизон отец нанял такси, говорил о том, что в средствах он нужды не испытывал.

Когда позвонил Леша Торгач, у Асова возникли первые вопросы:

- Саня, ты когда приедешь?
- Я сегодня выезжаю, значит, завтра буду.
- Угу, тут проблемы возникли.
- Какие?
- Морг отказывается принимать тело на вскрытие.
- Почему?

- Говорят, что не положено. Боятся.
- И что? Теперь он будет там валяться?
- Ну, пока тело в холодильнике, во Вдовске.
- А почему вскрытие-то не делают?
- Эксперт из Угольцев говорит, что не его территория, остается только Песков. Сам понимаешь, во Вдовске патологоанатомов нет.
- Слушай, Леша, договорись с ним. Я приеду — расплачусь, сколько попросит. Угольцы в паре километров, а Песков в сотне.
- Я понял. Я попробую, но не обещаю. Все равно откажет, но мне «вояки» обещали машину дать, чтобы тело в Песков отвезти.
- Подожди, вскрытие должно быть произведено по месту травмирования, так?
- Да.
- Так почему же Угольцы не берут?
- Угольцы — это уже Ленинградская область.
- Блин, точно.
- Эксперт говорит, что возьмет только тело водителя. Как бы потому, что он был прописан в Угольцах, но просто родственники знакомы с этим экспертом. Скоро родственники приедут и тело перевезут.
- Может, захватят тело-то, какая ему разница, что один труп, что два. Погибли-то вместе. Поговори с ним, — еще раз попросил Асов. — Кстати, знаешь, как мы поступаем в подобных случаях?
- Как?
- Да просто в направлении укажи место происхождения на несколько километров ближе или дальше, это же трасса, и эта информация нужна только моргу для принятия тела. Экспертизу все равно будешь назначать другую, да и для материалов проверки значения не имеет.
- Да я понимаю, но мы уже написали как есть, при направлении трупа водителя. Не поверят.
- А никто не верит. Все про это знают, бумажка она везде бумажка. Да и если вскрыется, и что? Ну, ошибся километром, дальше что? Что это меняет, кроме холодильника, в котором лежит труп. Перепиши, скажешь, показалось им.
- Не могу, да и ГАИ в курсе.
- «Так, — решил про себя Асов. — Самые важные качества для процессуалиста у него отсутствуют: характер и смелость в принятии собственных решений, ответственность за них. М-да, худо».
- Да брось ты, — еще раз попытался убедить его Асов. — Мы все люди, и чисто по-человечески никто ведь тебе и слова не скажет. Неужели лучше родственников гонять на кудыкину гору?
- Ладно, я попробую поговорить с экспертом, может, согласится взять тело.
- Договорись, пожалуйста, я приеду — все компенсирую.

— Ладно, разберемся.
— Еще вопрос.
— Угу.
— Деньги при нем нашли?
— Да, три с половиной.
— Как три с половиной? — Саша почувствовал неладное. — Ты что, это он ехал семью забирать и Новый год справлять с такими деньгами?
— Да, все при понятых нашли, осмотрели и опечатали.
— А с какого момента в осмотре участвовали понятые?
— Ну, я не сразу приехал на место. Там уже работала наша группа, дэпээсники еще. — Саша отметил, что голос у Леши стал неуверенным. — Олег только еще был из наших, Никифоров. А я выехал, так как вроде бы из гарнизона кто-то погиб.

— А он что говорит?
— Говорит, что ничего не трогали.
— Ладно. Хрен с ним. Дело не в этом. Что есть — верните вдове. Она вообще без копейки осталась. Понимаешь? Хочу сказать, что у нас даже самый последний отморозок, дерьма везде хватает, но даже самый пропитый и опущенный чмошник никогда ничего не берет с трупа. Вот еще что, ключи при нем были?

— От чего?
— От съемной квартиры.
— Была ключница в вещах, — голос Леши совсем потускнел.
— Ладно, давай, до связи. Я позвоню.

Разговор у Саши оставил неприятные впечатления и подозрения. Но ему в тот момент действительно было все равно. Ему хотелось мчаться скорее к отцу и привезти его обратно. По сути, он считал, что тело отца никому, кроме него, не нужно. И больше никто, кроме Саши, не сможет позаботиться о теле. В действительности так и оказалась, но Асов решил привезти его обратно не только потому, что эта земля была домом отца. Еще он хотел, чтобы все, кто хотел бы проститься с отцом, имели такую возможность, и чтобы отец смог проститься с теми, с кем захотел бы сам. Этот город, в котором родился и вырос его отец, из которого он ушел в армию и в который потом так и не смог вернуться надолго, хоть всегда и стремился обратно, должен был стать его последним домом.

Задумавшись, Асов сидел на стуле, устремив невидящий взгляд в пол. Перед ним прошла вторая агент, о чем-то разговаривавшая по беспроводному телефону. Прикрыв трубку рукой и встав напротив Асова, она обратилась к нему:

— У нас есть филиал в Горске, там есть катафалк. Поедут только за пятнадцать тысяч плюс бензин, всего за двадцать.
— Что? — не понял Асов.

— Нанимать? — спросила она его. Саша задумался: такой суммы денег у него не было, даже в руках не держал.

— Да, — ответила за него мама, и Саша был ей благодарен, что она так быстро решила за него.

Агент продолжила разговор, и Асов смог расслышать:

— Клиенты согласны.

К Асову обратилась Светлана Николаевна:

— Из тех денег, что вы дали, часть пойдет на бензин. Остальные вы заплатите водителю.

— Что Леша сказал? — спросила мама почти шепотом, чтобы не услышала Светлана Николаевна. Саша придвинулся к маме и так же шепотом стал отвечать:

— Проблемы со вскрытием, без вскрытия нам не выдадут тела. Никто не хочет делать вскрытие.

— Что теперь?

— Я попросил его договориться, приеду — расплачусь. Но в любом случае нужно выезжать самому и договариваться обо всем.

— Позвони Татьяне. У нас осталось всего пятьсот рублей и билеты на обратную дорогу. Когда мы вернемся в Питер, то десятого у нас будет аванс, так что мы тебе денежку-то вышлем.

— А жить на что будете?

— Что-нибудь придумаем, перехватим у кого-нибудь. Ты сам сейчас без копейки остался. Самое главное, что билеты у нас уже куплены, а об остальном не волнуйся.

— Сейчас позвоню тетке, она сама сказала, что будет вкладываться.

— Конечно, не стесняйся. Все-таки она его родная сестра, пусть хоть раз поможет.

— Когда мы выедем? — спросил Саша агента Галю.

— Он с Горска приедет к часу. Куда ему лучше подъехать?

— Пусть к дому подъезжает, улица Североветровая, дом двенадцать.

— Хорошо, запишите телефон офиса на всякий случай. — И она продиктовала номер, который Саша запомнил.

Саша набрал на своем мобильнике номер тети. Почти сразу же она ответила на звонок.

— Алло? — голос у нее был усталый, почти обреченный.

— Мы договорились с машиной, в час выезжаем, — сказал Саша.

— Что за машина?

— Не знаю. Наверное, «Газель». Я заключил договор на похороны. Третьего числа в три дня, на воинском кладбище. С «Похоронным домом» агент свяжется.

— Скинь мне ее телефон. Может, лучше похороны на четвертое назначить? Я думаю, ты не успеешь.

— Успею. Вот еще что. Я уже заплатил десять тысяч и...

Тетя его перебила:

— Зачем?

— Да чтобы сразу, и больше не думать об этом, кроме того, могут и ничем не заниматься, если не заплачу.

— Ну да, да.

— Так вот, э-э-э... Не могли бы вы мне занять тысяч двадцать?

— Двадцатью ты не обойдешься, — задумчиво ответила она. — Куда повести деньги?

— Домой, мы оттуда поедем.

— Хорошо, ты о деньгах не думай, — вновь повторила она.

— Добро, до встречи, — ответил Асов, и они закончили разговор.

Асов встал, положил телефон в карман и, глядя на Галю, спросил:

— Что-нибудь еще от нас нужно?

— Нет, — ответила она. У нее зазвонил телефон. Она ответила на звонок, послушала и спросила Сашу:

— Как к вам проехать?

— Как ехать на завод «Ласточка».

Агент повторила ответ в трубку.

— Нет, не знает. Лучше он приедет сюда, в офис. — Она велела ехать в офис и повесила трубку. Асов посмотрел на свои часы: было десять часов пятьдесят три минуты.

— Тогда мы съездим пока домой, а к часу подъедем сюда.

— Хорошо, — ответила Галя.

— До свидания.

Асов с мамой вышли на улицу. Саша закурил на пороге офиса сигарету, застегнул дубленку и надел свою черную вязаную шапочку. Он взял маму под руку, и они пошли на троллейбусную остановку.

Дома Асов снова проверил все документы. Он сделал себе крепкий сладкий кофе и сидел за столом на кухне с очередной сигаретой. Мама расставила перед ним блюда с новогодними салатами. На подносе лежал рождественский гусь.

Асов старался есть только мясо, чтобы чувство сытости потом держалось как можно дольше. Ел почти механически. Наконец, почувствовав, что больше съесть ничего не сможет, он отодвинул тарелку и снова закурил. Мама сидела рядом и смотрела на него.

— Саша, будь осторожен. Мало ли что может быть в дороге, — тихо попросила она. Саша понял, что она боится за него. Авария, и теперь он тоже едет на автомобиле. Неизвестно, что будет в дороге. Она не хотела, чтобы он ехал, но запретить ему она не могла, не имела права. Погибший был ему отцом. И как всегда, Саша ответил ей твердо и уверенно, хотя в душе у него и не было такой уверенности. Была лишь вера и никакой надежды, что все закончится благополучно.

— Мама, мне нужны лишь сутки. Послезавтра, всего через день, с утра, я, так же как и сейчас, буду сидеть здесь за столом, рядом с тобой. Не волнуйся, у меня другой срок, и явно не авария. Я очень быстро вернусь.

И мама ему поверила.

Приближалось время выезда. Мама дала Саше сверток с бутербродами, которые тот положил в свою наплечную сумку. Они с мамой пошли на троллейбусную остановку. Ожидая троллейбус, Асов снова позвонил тете:

— Тетя Тоня, подъезжайте к офису «ВПК».

— Где это?

— На выезде из города. Под мостом у дороги увидите их офис. Там вывеска большая висит.

— А вы где?

— Мы на остановке, около дома.

— Подождите, мы к вам подъедем. Зеленый джип.

Саша сказал маме, что им нужно подождать машину с тетей. Троллейбуса не было долго. Люди все прибывали и прибывали на остановку, от холода некоторые подпрыгивали или прохаживались вдоль остановки. Асов всматривался в проезжающие автомобили. Он не любил ждать. Высокие сугробы около дороги, которые образовались от бесконечной очистки дороги снегоуборочными грузовиками, загораживали Саше обзор. Асов стал подходить то к одному краю остановки, то к другому, затем возвращался к маме.

Наконец показался троллейбус с замерзшими оконными стеклами. Толпа пассажиров переместилась ближе к обочине, и передние ряды оказались выдавлены на дорогу. Троллейбус засигналил. «Да, хотите узнать, быдло мы или нет, — посмотрите, как мы ездим в общественном транспорте», — решил про себя Асов, стоя с мамой поодаль от толпы. Троллейбус остановился и раскрыл двери. Толкаясь, чтобы занять место на сиденьях, люди быстро заполнили его так, что двери с трудом закрылись. На остановке остались только Асов с мамой. «Я бы в таком троллейбусе не поехал, тем более с мамой. Значит, опоздал бы», — подытожил Асов.

Спустя несколько минут на дороге показался темно-зеленый джип. Он остановился на дороге, в дальней полосе, напротив остановки. Окна были тонированными, и кто находился в салоне, не было видно. Затем он стал быстро разворачиваться, перегородив всю дорогу. Сбив бампером выступающие сугробы, джип резко остановился прямо на тротуаре, около Саши с мамой, да так резко, что они инстинктивно подались назад. Задняя пассажирская дверца открылась, и Саша с мамой забрались в машину.

Внутри джипа было тепло и просторно. От кожаных сидений шел своеобразный запах теплой кожи. Асов снял шапку и положил в сумку. Впереди сидела его тетя в дорогой черной шубе. Обычно ухоженная и красивая, в этот раз она выглядела иначе. Без макияжа и с растрепанной прической, с темными кругами под глазами, она полуобернулась к Асову, и он сказал:

— Здравствуйте.

— Ну, как вы? — спросила она.

— Нормально, как это может быть сейчас, — ответил Саша.

На водительском месте сидел плотный, крупный мужик с короткой стрижкой. Он был одет, несмотря на мороз, в обычную болоньевую куртку.

— Познакомьтесь, — сказала тетя. — Это Александр Емельянович.

Асов пожал протянутую ему руку. Мужчине пришлось развернуться к Асову, и он увидел лицо славянского типа. Оно было открытым, но не добродушным. Казалось, что он принял неприятное для него решение. Как выяснилось потом, это было из-за того, что, несмотря на несчастье, произошедшее у его гражданской жены, он уже принял решение и реализует его: уедет на время похорон со своими детьми от первого брака на отдых в новогодние каникулы. Отменить их значило потерять крупную сумму денег и получить недовольство детей, которые не поймут причины отказа.

«Так, — сказал про себя Асов. — Такие же инициалы были у начальника отца, то есть владельца фирмы. Значит, тетя сожительствует с начальником, понятно. Что я могу знать об этом человеке? Ах да. Я же ремонтировал его ноутбук, который мне приносил отец. Копался в документации. Я еще тогда сильно удивился, что там есть сметы и калькуляции, которые этот Александр составлял сам, от начала и до конца. Просчитывал все от гвоздика до поставок. Значит, этот человек один из немногих, которые в своем деле могут все, то есть от первой и до последней бумажки. Значит, фирму он создал своей головой, как следствие, владеет ей по праву, и насмешки над новыми русскими к нему не относятся. Это умница. Так, еще отец рассказывал, что он не может себя контролировать в азартных играх, много проигрывает в казино, следовательно, считает, что достиг успеха в жизни из-за удачи, и заигрывает с ней либо просто тупо жаден».

Машина проехала к обочине и остановилась. Тетя раскрыла сумочку, и Асов увидел в ней толстую пачку крупных купюр. Она отсчитала несколько штук.

— Сколько за такси? — спросила она.

— Пятнадцать и пять на бензин. За бензин мы уже отдали, — ответил Асов.

Тетя посмотрела на Александра Емельяновича и спросила его:

— Хватит?

— Еще на дорогу и непредвиденные расходы, может, на бумаги, — ответил тот. Тетя отсчитала двадцать бумажек и передала их Асову. Саша же подумал, что в выходной день, когда столько наличности не держишь в кармане, такую сумму достать, наверное, было трудно. Однако нужно учесть, что представления о достатке у Асова были весьма скромные. Саша неуверенно протянул руку и взял деньги. Это оказалось легче, чем он думал. Он положил их, сложив пополам, во внутренний карман пиджака. По опыту он знал, что этот карман наиболее труден для карманников. Во всяком случае, он сможет

заметить движение около него краем глаза. Вместе с тем он положил деньги в правый карман, чтобы они были подальше от сердца, повинувшись смутному желанию, чтобы они никогда не имели власти над ним. От купюр пахло типографской краской, и на ощупь чувствовалась влага этой краски, они были новые. Казалось, что краска пачкает руки. Ничуть не похудевшая остальная часть пачки банкнот вновь была заброшена тетей в сумочку. В машине повисла тишина. Асов решил нарушить ее, сказав:

— Спасибо.

Тетя не ответила. Машина поехала в похоронную компанию.

Странно было ехать в этом комфортном и удобном джипе. Асов думал, что на такой машине они бы очень быстро вернулись, съездив за телом. Тем более что джип был очень просторным, с тремя рядами кресел, задние ряды которых раскладывались, образуя очень вместительный кузов. Еще он думал, почему фирма отца не предоставит одну из грузовых «Газелей», большой парк которых имелся у этой фирмы, ведь отец непосредственно занимался организацией перевозок. Но на этот вопрос он ответил себе просто, цинично и с сожалением: «Если бы у нас была нормальная родня, все бы было по-другому». Как бы предвидя ход рассуждений Асова, тетя произнесла:

— Саша сам хотел ехать, — имея в виду Александра Евгеньевича, — но у него горят путевки с визами. Он должен ехать с детьми на каникулы.

Асов молчал. Тетя продолжала:

— У тебя телефон как?

— Я положил десять долларов, — ответил Асов.

— Этого не хватит, ты будешь в роуминге.

— Я сейчас еще положу.

— Нет, эти деньги только на дорогу. Александр Емельянович даст тебе телефон. Он зарегистрирован на фирму. Безлимитный. Ты будешь постоянно на связи, только зарядник переносной мы потеряли, ну от прикуривателя в машине.

— Понял.

Тетя вздохнула, закрыла лицо руками, пытаясь, видимо, инстинктивно снять напряжение, и, уронив руки на колени, стала смотреть на дорогу. Александр Емельянович вел машину агрессивно и резко, даже рассеянно, не заботясь о пассажирах. Наконец автомобиль приткнулся в кармане дороги, прямо напротив похоронной конторы. Все вышли из машины и пошли в контору. Автомобиль мигнул фарами и закрылся на сигнализацию.

Асов уже приготовился к атмосфере этого места, а тетя нет. Когда она стала ходить по залу, то тихонько заплакала. Однако, видимо вспомнив, что она «сильная женщина», взяла себя в руки и только шмыгала носом.

В конторе была лишь вторая агент. Она пояснила, что Светлана уехала на заказ. Еще кто-то не пережил эту новогоднюю ночь. Выглядела Галя еще более растерянно: она не ожидала увидеть вместо Асова с мамой, которые при-

езжали на троллейбусе, вдруг еще и посетителей на джипе. Так уж повелось, что в нашем обывательском сознании джип говорит о положении в обществе. Хотя Асов и знал, что стереотип — это фундамент для ошибки, Галя об этом не задумывалась и в данном случае была права. Она сразу же залебезила перед ними.

— Гроб привезли? — спросил ее Асов.

— Еще нет.

— А катафалк приехал?

— Должен подъехать через пятнадцать минут.

— Это родная сестра погибшего, — представил Асов тетю. — Антонина Анатольевна.

— Галя, — представилась агент и стала потерянно ходить по залу между рядами венков. Вдруг она предложила: — Можете пока выбрать венки.

— Мы уже выбрали, — ответил Асов.

— А вы? — спросила она тетю.

— Нет, — ответила ей тетя.

— Выбирайте, — и Галя указала на ряды венков. Затем, продемонстрировав свою тупость, она добавила: — Выбирайте, какие нравятся.

— Никакие не нравятся, — чуть не плача ответила тетя и, чтобы скрыть слезы, наклонилась перед ближайшей корзинкой из искусственных цветов. — Эту и ту, — указала она и, обращаясь уже к Асову, произнесла: — Эту поставь на месте гибели.

— Хорошо, — ответил он.

— Да, у нее есть специальные ножки, чтобы воткнуть ее в землю, — вмешалась агент. Асов осмотрел маленькую корзинку из темной искусственной елки с фиолетовыми пластмассовыми цветами внутри. Действительно, снизу корзинки торчали три куска жесткой металлической проволоки.

Александр Емельянович взял корзинку и унес в машину, тетя отсчитала деньги, положив их на стол. Затем она молча стала бродить по залу. В зале остались они вдвоем. В гнетущей тишине Асов стал еще более суровым. Из-под распахнутой на груди дубленки у него выбились края шарфа. Он стал поправлять шарф. Тетя остановилась взглядом на Саше. Они посмотрели друг на друга: их мысли в данный момент были одинаковы. Тетя подошла к нему и стала расправлять его шарф, как бы укутывая в него Асова. Саша произнес:

— Не волнуйтесь, я его быстро сюда верну. Меня никто не остановит.

Возможно, тетя подумала, что это будет непосильной ношей для парня, или ей просто вспомнился брат. Возможно, Саша так был похож на молодого брата, что она заплакала. Сдерживая рыдания, тетя ухватила его за отвороты дубленки и несколько раз потянула на себя, как бы силясь что-то сказать или спрятать лицо у него на груди. Но сказать что-либо она не смогла. Все, что она позволила себе, это на мгновение прижаться головой к груди Асова. Потом она разжала свои руки, молча встала перед ним.

— Пойдемте на улицу, подышим свежим воздухом, — предложил ей Асов, и они вышли из конторы. Тетя упрекала себя за то, что так и не попыталась вовремя заметить, как быстро вырос Асов и в какую личность он превратился из вечно комплексующего, стеснительного и добродушного паренька, как-им она его помнила и которого отшвырнула от себя, как милого щенка, пока к нему не привязалась, чтобы не нести за него никакой ответственности. Из этого ребенка жизнь сделала робота без слабостей, у которого очень мало нормальной жизни и который носил эту маску, когда требовала обстановка. Он стал сильной личностью, с непоколебимой волей, и это все, что теперь она знала о нем. В его словах тетя почувствовала уверенность в том, что все будет именно так, как он пообещал. По сути, они виделись впервые за семь лет.

В отличие от всей родни только мама очень хорошо знала и понимала Сашу. Она знала, что, когда ему тяжело, он предпочитал быть в одиночестве. В одиночестве он зализывал свои раны и справлялся с трудностями. Он не принимал сочувствия ни от кого, и только от очень близких людей принимал понимание. Именно поэтому все это время мама лишь неотступной тенью ходила за ним, внимательно следя за тем, когда ему вдруг понадобится помощь. И Асов знал это и, чтобы не обидеть маму, регулярно показывал ей, что не забывает о ней. Он оборачивался, искал ее взглядом, их взгляды встречались, и Асов вновь принимался за дело.

Когда они выходили на улицу, агент сказала Саше:

— Должна подъехать «Газель» с номером три тройки.

Асов в ответ молча ей кивнул. На улице мороз усиливался, и они вновь залезли в джип. Сидели молча. Спустя несколько минут к конторе подъехал грузовичок. Кузов его был обтянут синим тентом. На бортах красовались надписи «Военная похоронная компания» и номера телефонов.

— Гроб, наверное, привезли, — глухо сказал Асов и вышел из автомобиля. Остальные вышли вслед за ним. Из грузовичка с места водителя вышел пожилой мужчина, с пассажирского — молодой парень, оба одетые в рабочую спецовку. Они, торопясь, раскрыли тент у заднего борта грузовичка и стали вытаскивать из кузова гроб, обитый красной материей и накрытый крышкой, отнесли его к дверям похоронной конторы и поставили на снег. Асов подошел к гробу и стал его рассматривать. Да, он был нестандартный: высокий и более утолщен в бортах. Пожилой работник скрылся в дверях похоронной конторы, а молодой остался на улице, закурил папиросу. Сзади к Саше подошли остальные. Они тоже смотрели на гроб.

Спустя непродолжительное время из конторы вышла агент Галя. Она не надела пальто и теперь ежилась от холода, обхватив себя руками.

— Вот, смотрите, — произнесла она, а молодой работник добавил:

— За ручки лучше не нести, они декоративные.

Асов осмотрел массивные узорчатые металлические ручки. Две по каждому борту гроба, прибитые массивными гвоздями. Асова покорила сама

мысль, что ручки могут оторваться и гроб упадет, когда его будут нести. Он даже не смог представить, как это будет выглядеть, если отец еще раз подвергнется ударам, пусть даже от падения. Поэтому Саша решил не пренебрегать этим советом.

— Подождите, — вдруг сказала мама. — Мы не такой заказывали.

Агент ничего не ответила.

— Посмотрите, — продолжила мама и, наклонившись над гробом, защитнула обивку, потеряв ее между пальцами руки. — Мы заказывали бархат, а это неизвестно что. Неизвестно, что еще внутри.

Саша знал, что мама хорошо разбирается в тканях, как и любая женщина.

— Да все как на образце, — выдавила из себя агент.

Асов сначала не обратил внимания на детали гроба, но теперь принялся более внимательно изучать его и заметил, что разница есть, хотя бы в цвете. Тем временем мама отодвинула крышку гроба и ощупывала ткань внутри.

— Так и есть, — произнесла мама. — Должен быть шелк, а это не он. Постель-то должна быть из шелка. Тоня, посмотри, — обратилась мама к тете.

— И как это называется? — обратилась тетя к агенту.

— Да все, как и заказывали. Все материалы такие же, — ответила та.

— Нет, — сказала мама. — Переделывайте. Пойдемте внутрь, и я вам покажу, что мы заказывали.

— Пойдемте, — согласилась агент.

Они вновь вернулись в комнатушку, заставленную гробами. Агент стала щупать образец, говоря:

— Все точно такое же, как и заказывали.

После этого Асов, мама, тетя по очереди ощупали образец.

— Ну что? — спросила мама Сашу.

— Да, другое, — ответил он. Тетя тоже согласилась. Однако агента трудно было переубедить.

Быть может, мама пыталась сорвать выезд. Она почти перешла на скандал с агентом. Асов ее успокаивал. Саша с тетей хорошо понимали простую вещь: если сейчас они разорвут договор, то тело отца вообще будет невозможно привезти и захоронить вовремя. Поэтому они не пытались уже что-либо изменить и вели себя очень сдержанно, видимо, и агент понимала это, исходя из своей практики. Асов знал, что именно этот гроб придется везти, и ему было все равно, какой он, лишь бы он был, раз так требуется. Поэтому, не говоря больше ни слова, Асов увел за собой маму обратно в джип, тетя пошла за ними. В машине потянулись минуты ожидания. Все больше откладывалось время выезда, контора опять обманула его. Саша отмечал про себя, что агент стала вести себя все более импульсивно и как-то испуганно. И сейчас ни в коем случае нельзя было «передать» на нее.

Гроб стоял пока на улице. Привезшие его грузчики о чем-то разговаривали друг с другом, переговаривались с агентом, которая подходила к ним, и

регулярно забегали внутрь конторы. Асов смотрел за ними из окна джипа. Было не похоже, что агент за что-то их отчитала. Ждали приезда катафалка. Наконец Асов обратил внимание на припаркованный с противоположной стороны джипа бежевый микроавтобус «Газель». «Может, он», — подумал Саша, но, разглядев на микроавтобусе занавески в веселых тонах, отвергнул это предположение.

— Саша, — спросила его мама, — какой номер у машины?

— Три сотни тридцать третий, а что?

— Может, это она? — И мама указала на этот микроавтобус.

— Нет, — ответил Саша, потом решил: — Ладно, пойду посмотрю.

Асов вышел из джипа и прошел к микроавтобусу. На желтых номерах микроавтобуса Саша с удивлением увидел три тройки. Он вернулся к джипу, открыл заднюю дверь и, беря свою сумку, сказал:

— Да, это действительно он.

Саша повесил сумку на плечо и пошел к микроавтобусу, встав напротив лобового стекла. За ним вышли из джипа остальные. Водитель микроавтобуса, увидев их, поднялся со своего места.

Это был коренастый мужичок в сером вязаном свитере, средних лет. Волосы у него были черные. Асов принялся наблюдать за водителем, чтобы составить о нем хоть какое-нибудь мнение, потому что теперь от него зависело очень многое. От его здоровья, сил и сосредоточенности. И Асов должен был войти с ним в контакт, даже заботиться о нем.

Обнадеживало то, что мужик был без болезненной опухлости и красноты лица, выдающих алкоголика, и без темных кругов под глазами, что говорило бы об усталости или болезни. Перед ним стоял человек, который своим трудом зарабатывает на жизнь. Кроме того, водитель не походил на простоватого мужичка, было видно, что «с головой он дружил».

Водитель, поняв, что перед ним клиенты, открыл боковую выдвижную дверь в салон микроавтобуса. Асов прошел за водителем к борту микроавтобуса и бегло осмотрел салон. На оконном стекле, противоположном открытой двери, он увидел бумажный листок, приклеенный скотчем. Это была карта-схема, наверху которой было написано: «Схема маршрута № 2».

«Да это ж обычное маршрутное такси», — догадался Асов.

— Саша, холодно, — подошла к нему мама и попросила: — Надень шапку.

— Нормально, — ответил ей Саша, но действительно было холодновато, и он чувствовал, как покрываются инеем его волосы, но продолжал стоять с непокрытой головой. Дубленка у него была расстегнута, обнажая полы черного пиджака.

— Он ее стесняется, — внезапно сказала подошедшая к ним тетя Тоня. Затем она отвернулась от них и отошла к водителю, который возился с двухстворчатыми задними дверями микроавтобуса. Саша ничего не ответил тете Тоне. Действительно, он специально носил черную вязаную шапочку. Когда

Саша ее надевал, то она до неузнаваемости изменяла его внешность, скрывая высокий лоб, форму лица и прическу. Он специально использовал этот прием, чтобы слиться с толпой, не выделяться из нее или вообще стать незаметным. Когда требовала ситуация, он снимал шапочку, и противник вдруг видел перед собой вместо замухрышки волевого противника с непокорной шевелюрой, открытым лбом и насмешливым взглядом прожигающих нас сквозь зеленых глаз. Теперь же Асов посчитал, что фокусы неуместны. Ему предстояло контактировать с людьми. Он старался произвести благоприятное впечатление на водителя, так как знал, что с ним придется провести долгое время, а первое впечатление о человеке потом очень тяжело изменить. Уважение водителя Асову понадобится.

Из конторы вышла агент Галя.

— Уже приехали? — спросила она водителя. — А что не заходите?

— Да стою, жду, — неопределенно ответил тот из-за дверей.

— Давайте грузите гроб, — сказала она ему.

— Сейчас, — ответил тот и, пройдя к открытой выдвижной двери, запрыгнул в салон микроавтобуса, где стал колдовать над замками задних дверей.

— Выдайте ему деньги на бензин, — попросила мама агента.

— А деньги вы сами ему заплатите, — к удивлению Асова, ответила та.

— Как? — тоже удивилась мама. — Ведь Светлана Николаевна сказала, что из тех денег, что мы уже заплатили, часть пойдет на бензин.

— Нет, не могла она такого сказать, — упорствовала агент. — Такого никогда не было. — И она попятилась к дверям похоронной конторы. — Если хотите, можете ей позвонить, она сейчас на заказе.

— Конечно, — сказала мама, и все пошли за агентом в контору.

Стали звонить Светлане Николаевне, но на все звонки отвечал автоответчик.

— Она работает, — объясняла агент Галя. — Сейчас ей невозможно дозвониться. — Ее глаза так и бегали по сторонам. Она была похожа на человека, который, раз уже что-то взяв, никогда и ни при каких условиях этого не отдаст.

— Все равно я не смогу выдать деньги, — она почти кричала. — Они заперты у нее в сейфе, а ключей у меня нет.

— Саша, — обратилась мама к Асову. — Ну скажи ей, что она про деньги говорила.

— Да, — глухо ответил Асов, глядя Гале прямо в глаза так, что она съежилась. — Я точно помню, те деньги, что я заплатил, должны пойти на организацию похорон и на бензин для катафалка.

Но агента было невозможно убедить. Асов и тетя Тоня видели, что убеждать нет смысла: деньги она не отдаст. Они вышли из похоронной конторы на улицу, к микроавтобусу, где грузчики с водителем уже ставили гроб в салон. Было видно, что он не умещается в салоне микроавтобуса. Агент также

вышла на улицу и смотрела, как ставят гроб. Поставить его на пол салона, так чтобы он стоял ровно, мешали пассажирские кресла. Асов прочитал табличку, прикрепленную внутри салона: «Число сидячих мест 13». Гроб был широким и задевал сиденья, поэтому его нельзя было поставить на пол, и часть гроба оставалось на улице между распахнутыми задними дверьми микроавтобуса.

Видимо подумав, что у Александра Емельяновича меньше всего претензий к конторе, агент встала рядом с ним, около открытой выдвижной двери микроавтобуса. Она ошиблась, даже постороннего человека задела эти «накладки». Александр Емельянович повернулся к Гале и сказал:

— Ну и что же, вы нас совсем за дураков держите?

— Да что вы, — испуганно ответила агент.

— Гроб, деньги, а теперь и катафалк?

— Да все нормально, — успокаивающим тоном произнесла она.

— Не нормально, ну посмотрите на это, — сказал он, указывая в салон автомобиля на схему маршрута и занавески. — Это же не катафалк, а обычное такси. А лицензия-то у него есть?

— Что? — спросил водитель из салона, пытаясь приподнять гроб и протолкнуть его внутрь.

— Ничего, ничего. Не обращайтесь внимания, молодой человек, — произнесла тетя Тоня.

— Есть лицензия, — уверенно ответила агент.

— Лицензия на что? — спокойно продолжал Александр Емельянович. — На перевозку пассажиров?

Агент молчала, а он продолжил:

— А на перевозку трупов? А если их тормознут на трассе с проверкой?

Ответа он не получил.

Что касается Асова, то он спокойно слушал этот диалог. С самого момента, когда он увидел гроб, его охватила апатия. Саша внутренне ругал себя за пассивность, но в то же время понимал, что его действия начнутся после выезда. Поэтому он лишь молчал и использовал время, чтобы спокойно набраться сил.

Гроб удалось вставить в микроавтобус, лишь поставив его край на передние сиденья салона, которые были обращены к задним дверям микроавтобуса.

— Так не пойдет, а как же его везти назад? — спросила тетя Тоня. Вокруг микроавтобуса повисла тишина. Решение напрашивалось само собой. Нужно было вынуть несколько боковых кресел микроавтобуса из салона, которые не позволяли поставить гроб ровно на пол. Это решение озвучил Александр Емельянович, и водитель, достав ключи, стал отворачивать гайки и болты крепления одного из задних кресел от пола. Все молча стояли и наблюдали за его работой.

Видимо устав наблюдать, агент Галя ушла в контору. Тетя Тоня пошла за ней. Через некоторое время Асов тоже вошел в помещение конторы. Агент, увидев его, вдруг выпалила:

— Да не переживайте так. Никто не собирается наживаться на чужом горе.

Асов промолчал, а тетя Тоня ответила устало и пренебрежительно:

— Да бросьте вы. Все прекрасно понимают, что бизнес есть бизнес.

Асов вернулся на улицу. Александр Емельянович перешел к распахнутым задним дверям микроавтобуса и спокойно беседовал с водителем. Одно из салонных кресел уже стояло на снегу, рядом с машиной. Александр Емельянович спрашивал, какой модели двигатель в «Газели». Услышав ответ, он удовлетворенно согласился, что двигатель надежный. Асов заметил, как ненавязчиво Александр Емельянович пытается узнать побольше о водителе, откуда он. Наконец водитель представился Сергеем, и они обменялись номерами мобильных телефонов. Вводя номер телефона водителя в память своего телефона, Александр Емельянович услышал:

— Не получается, болты приварились, — пропыхтел водитель, возясь со следующим креслом.

— Так, — сказал Александр Емельянович. — Поехали ко мне на базу, там шляпки болтов отрежем болгаркой.

— А кресло? — одно уже стояло на снегу рядом с микроавтобусом.

— Оставишь у меня, у охраны. На обратном пути заберешь. Все равно по одной дороге ехать.

— Ладно, — согласился Сергей и, подхватив снятое кресло, понес его в похоронную контору. Когда он вернулся, Александр Емельянович сказал ему:

— Сейчас поедem из города, выедем на московскую трассу. Там в Алексеевке поворот с трассы налево, в склады. Там у меня база.

— Хорошо, поехали.

Асов не захотел ехать раньше времени в «Газели» и сел в джип. Они поехали на базу.

— Что за база? — шепотом спросила его мама.

— Склады, там отец работал, — также шепотом ответил ей Саша.

По обледенелым дорогам города они ехали на базу. Безлюдные улицы не производили на Асова тоскливого впечатления, он был сконцентрирован на цели и просто ждал время действия.

В то же самое время внутри у Саши зарождался страх. Это не был страх перед дорогой или трудностями пути. Асов вспоминал ранее виденные им трупы и пытался представить себе, как будет выглядеть тело его отца. Саше было горько от того, что он не был рядом с отцом, когда тот умер, не смог помочь, облегчить его боль. Чувство вины за время, которое не было использовано для общения с отцом, за время, проведенное рядом с ним, которое не ценил. За то, что не успел отблагодарить его за помощь или сказать спасибо,

за ненужные нравоучения. Вся эта совокупность чувств и породила страх у Саши, он боялся, что отец недоволен им. Возможно, они оба были виноваты в том, что их отношения так очерствели. Однако Саша, как любой сын, любивший своих родителей, какими бы они ни были и сколько бы вреда ни причинили ребенку, принял всю вину за натянутые отношения на себя. Теперь он ни в чем не порицал отца. Правда оказалась в том, что сейчас, в момент несчастья, только сын стал единственной надеждой, действительной помощью и утешением душе отца. Жаль и то, что при жизни отец не знал этого.

Наконец автомобили выехали за город, на московскую трассу. Спустя еще некоторое время они въехали в небольшой городок Алексеевку, который стоял на трассе. При въезде в него джип свернул с трассы налево, на дорогу, занесенную белым и пушистым снегом, по краям которой тянулись высокие сугробы. С одной стороны дороги, за сугробами, виднелся забор из серых бетонных плит, обтянутых сверху колючей проволокой. Асов знал это место. Это была база, то есть склады со стройматериалами, где работал отец. Они заезжали на эти склады, когда отец перевозил вещи на съемную квартиру, и сын помогал ему. Отца внезапно вызвали тогда на работу. Саше запомнилось, с какой гордостью отец рассказывал ему, как он планирует устроить склады и офисы, потому что он как раз руководил строительством подсобных помещений при расширении фирмы. Кроме того, у отца наконец появилась возможность снять большую удобную квартиру в Опольске, чтобы перевезти туда свою вторую семью. Будущее казалось ему простым и безоблачным, его надежды сбывались. И было все это всего лишь несколько недель назад.

Джип повернул по дороге направо к участку территории, отгороженной серым бетонным забором. Дальше дорогу перегородили высокие ворота из сетки на металлическом каркасе. За воротами виднелся шлагбаум. Ворота стояли в разрыве бетонного забора и были достаточно широкими, чтобы пропустить крупногабаритные автомобили.

— Пойду предупрежу охрану и собаку уберу, — сказал Александр Емельянович и, остановив джип перед воротами, вышел из него, открыл одну из створок ворот и пошел в глубину базы, где вскоре скрылся из виду за забором.

В автомобиле ждали возвращения Александра Емельяновича. Прошло не более десяти минут, и сквозь ветровое стекло они увидели, что он возвращается вместе с высоким пожилым мужчиной. Тот был одет в спецовку охраны, сшитую по типу общевоинской «полевки», но из хорошей ткани черного цвета. Асов помнил этого охранника, отец сказал ему, что это тоже пенсионер из бывших офицеров. Да, несмотря на возраст, в этом охраннике до сих пор угадывалась недюжинная физическая сила.

Охранник открыл вторую створку ворот, поднял шлагбаум, а Александр Емельянович снова забрался на водительское место в джипе и повел машину в глубь базы. Оба автомобиля проехали вправо от ворот к высокому металлическому ангару, сбоку которого была пристройка в виде двухэтажного

домика. Эта пристройка была офисом. Слева от строения, напротив ворот в базу, стоял фургончик охраны, без колес, с будкой для собаки. Около будки на цепи сидела большая черная собака и зло лаяла на подъезжавшие автомобили. Впрочем, она, наверное, была просто обижена на то, что из-за посетителей ее посадили на цепь, вряд ли она была злобной по характеру. Перед ангаром на импровизированной стоянке находилось несколько фур. Александр Емельянович подогнал джип на эту стоянку и заглушил мотор. Охранник пошел в сторожку.

Александр Емельянович полуобернулся на своем кресле и, глядя на Асова, произнес:

— Вот, возьми, — он вытащил из внутреннего кармана своей куртки мобильный телефон и зарядное устройство со шнуром. — Отдашь, как вернешься. В мобильниках разбираешься?

— Да, — ответил Асов, принимая телефон и зарядное устройство. Он включил телефон и посмотрел на широкий дисплей. С обратной стороны разместилось окошко цифровой видеокамеры. — Разберусь.

— Тут забиты мой номер и Тони. Телефон безлимитный, говори сколько потребуется. Только одна проблема. Мы не нашли для него зарядник от автомобиля, — снова стал он объяснять Асову. — Только от розетки, купите где-нибудь по дороге. Хотели переставить сим-карту, но не смогли его открыть. Мы его полностью зарядили, так что на день аккумуляторов хватит.

— Понял, — ответил Асов и положил телефон в боковой карман пиджака, а зарядное устройство в свою сумку. — Спасибо.

Они вышли из джипа. Водитель микроавтобуса подошел к Александру Евгеньевичу, который сорвал пластилиновую печать с двери. Водитель, тетя Тоня и Александр Емельянович прошли в здание. Асов с мамой остались стоять на улице.

Наконец Асов сказал маме:

— Пойдем, покажу, где работал отец.

— Пойдем, — согласилась мама.

Они вошли в здание и оказались в коридоре. Сверху лился свет ламп, которые, еще не успев разгореться, оттого, что их только что включили, моргали. В здании полным ходом шел ремонт: везде стояли банки с краской, лежали куски обивки, пол и стены были забрызганы известью. Асов указал маме в проем стены без двери, за которой располагалась комната, выложенная дорогим кафелем. В углу мерно гудел новенький водонагреватель с красным светом индикатором. По периметру комнаты расположились душевые кабинки без дверей. Во всем помещении было тепло. Новенькие батареи, к которым были подведены гибкие металлические трубки, обогревали здание. В коридоре имелось множество новых белых дверей с позолоченными ручками. Двери были заперты. Офис производил впечатление богатой и процветающей фирмы. Саша рассказывал маме, как отец гордился отделкой этих

помещений и как он сам себе выбирал место для своего большого и удобного кабинета, как уже провел туда выделенную линию для Интернета. В это время к ним подошла тетя Тоня:

— Саша, ты бывал здесь раньше?

— Да, — просто ответил он. — Один раз.

— А то я хотела показать, где работал твой отец, хотела показать тебе и маме его кабинет.

— Я покажу, — ответил Саша, а тетя Тоня, вдруг расплакавшись, ушла в глубину коридора, где была распахнута одна из дверей, и из-за нее шел свет.

— Пойдем, — сказал он и повел маму дальше по коридору к широкой лестнице, ведущей на второй этаж. По ней они поднялись наверх.

Второй, и он же последний, этаж этого здания только начали отстраивать. Здесь было много перегородок, в которых стояли двери. Перегородки были закрыты целлофаном. Саша прошел в дальний угол этажа, отодвигая целлофан, и вошел в будущий кабинет, обозначенный каркасами перегородок. Кабинет был угловым, но просторным, окна из импортных стеклопакетов утеплены в проемах монтажной пеной, края которой торчали из щелей. Асов посмотрел в окно.

— Вот, — сказал он. — Отец сам выбрал это место и указал, где должны быть перегородки. Он хотел самый большой кабинет. А это шнур для выделенной линии Интернета, — Саша указал на стену, где высовывался белый опто-волоконный кабель.

— А Тоня где сидит? — спросила мама.

— Головной офис у них в городе. Здесь производство, — ответил Асов. — Там и сидит, но я не знаю, где это.

К ним поднялась тетя Тоня, она немного успокоилась и осматривала здание. Она подошла к Асову.

— Да, это должен был быть его кабинет, — сказала она, сдерживая слезы. Прикрывая рот рукой, она продолжила: — Он был так рад, он так носился с этими офисами. У него в глазах такой огонь горел от работы. Как теперь быть? Кого искать на его должность? Он же не просто складами заведовал, он и работами руководил. Организовывал тут все. Ему доверять можно было. А я ведь ничего не знала тогда про склады, да и теперь не знаю, — закончила она и ушла.

Асов смотрел ей вслед и запрещал себе думать и анализировать способ мышления тети. Единственно, кого он не мог подвергнуть анализу, — были родственники. Вот и теперь он, с одной стороны, видел горе тети Тони по родному брату, а с другой — недовольство оттого, что она потеряла «своего» человека в фирме, благодаря которому контролировала очень важную часть производственного процесса. Саша не мог думать о родственниках беспристрастно, поэтому просто старался не иметь ничего общего с ними. Быть дальше от них. Это произошло потому, что в прошлом родственники при-

чинили ему немало вреда. Что же касается того, почему отец так был рад этой работе, то тут все просто. Парадоксальным было то, что в армии отец имел более сорока пяти лет льготной выслуги, двадцать шесть чистых календарных лет. При увольнении на пенсию его стаж составил больше лет, чем был биологический возраст. Отец оставил после себя два построенных супермаркета и здание офиса, то есть созидательного труда было больше, чем за все годы службы на государство. И все это за полгода гражданской жизни, не считая работы в военкомате после пенсии. Поэтому Асов еще больше возненавидел государственную службу, на которой тоже состоял. Он видел только ее бесполезность, хотя она должна была приносить только пользу.

— Ладно, пойдем, — сказал Саша маме, прервав свои размышления.

Они спустились на первый этаж и прошли в единственную открытую дверь. Там оказалось небольшое складское помещение рабочих инструментов. Вся комната была заставлена массивными пластмассовыми сундуками, на которых висели таблички с именами работников. Сундуки были закрыты на навесные замки. В глубине склада стояла тетя Тоня и смотрела на Александра Емельяновича. Водитель, видимо, ушел на улицу.

Александр Емельянович лихорадочно и раздраженно искал что-то.

— Где же эти круги? — сказал он, заметив Асова в проеме двери.

В руках у Александра Емельяновича была электрическая пила с диском резаком, это и была так называемая болгарка. Саша считал, что слово «болгарка» не подходит к устройству, это слово иностранное, оно засоряет речь. «Почему ее назвали иностранным словом, хотя это обычная циркулярная пила?» — задался вопросам Асов. Да, он не любил иностранные слова в русской речи. Саша не понимал, как можно захламлять собственный язык словами из чужой культуры, тем более конкретным предметам давать двусмысленные названия.

Александр Емельянович сорвал с ближайшего ящика пластилиновую печать и, вытащив откуда-то ножовку, стал спиливать пластмассовые ушки, в которые был вставлен навесной замок.

— На, поддержи, — и он протянул тете Тоне ручную циркулярку. Она взяла ее в руки и молча наблюдала за Александром Емельяновичем.

Наконец замок упал на пол, и Александр Емельянович откинул крышку сундука. Внутри оказалось множество пластмассовых ящичков. Покопавшись в них, он вытащил диск с наклейками и удовлетворенно произнес:

— Наконец-то. Пошли.

Асов с мамой пошли на улицу, а там она утянула его в сторону.

— Саша, будь осторожен, — пыталась она напутствовать его.

— Не волнуйся, я же уже сказал. Все будет хорошо, — отвечал ей Асов. Они молча пошли вокруг ангара, а когда вернулись к машинам, то Асов увидел, как из-под днища микроавтобуса полетел пучок бело-желтых искр и за-

скрежетал металл. Они подошли к машине, около которой стояли тетя Тоня и Александр Емельянович, а водитель Сергей, стоя на коленях на снегу перед распахнутыми задними дверями микроавтобуса, водил под днищем автомобиля циркуляркой. От циркулярки тянулся длинный шнур к распахнутой входной двери в офисы. В воздухе стоял запах горелого металла.

Наконец водитель передал циркулярку Александру Емельяновичу, и тот понес ее в здание. Водитель разогнулся и спросил:

— Кто поедет?

— Я, — ответил Асов и протянул ему руку. — Саша, — представился он.

— Сергей, — ответил водитель и крепко пожал ему руку, как бы благодаря за то, что Саша не побрезговал пожать его грязную руку.

Сергей вытащил кресло и поставил его на снег, затем залез в салон микроавтобуса и стал поправлять гроб, сдвигая его с пассажирских кресел. Гроб встал ровно на пол и ни с чем не соприкасался. Сергей стал закрывать задние двери.

— Все, — сказал Асов, — поехали.

Он прошел к джипу, взял свою сумку и, вернувшись к микроавтобусу, открыл раздвижную боковую дверь и положил на кресло свою сумку. Захлопнув дверь, он обернулся. К нему подошла тетя Тоня:

— Следи за водителем. Когда приедете в гарнизон, заставь его хоть несколько часов поспать.

— Понял.

— Подожди, я пока принесу вещи и бутерброды.

— Что за вещи? — спросил Саша.

— Когда приедете в морг, там его нужно будет переодеть в чистое. Я нашла кое-какие его вещи у деда с бабкой, постирала их и выгладила. Но я не нашла брюки.

— Понял. А на квартире у него их нет? — спросил Асов.

— Ключей ни у кого нет. Позвонили хозяйке, но у нее тоже нет. — И тетя ушла к джипу.

Вернулся Александр Емельянович и, забрав кресло, сказал водителю, что поставит его к охране. Водитель внимательно следил за тем, как Александр Емельянович пошел к сторожке, неся кресло. Саша обошел микроавтобус и осмотрел, хорошо ли заперты задние двери. Затем подошел к маме, которая молча стояла около дверей микроавтобуса и внимательно следила за Сашей. Она взяла его за руку и прижалась к нему. Вместе они подошли к пассажирской двери микроавтобуса. Подошла тетя Тоня с двумя целлофановыми пакетами: один большой, красный, другой маленький, синий.

— В красном пакете одежда, в синем бутерброды, — сказала она и передала их Саше. Он молча взял пакеты, открыл выдвигающую дверь и положил в салон микроавтобуса на кресло рядом со своей сумкой.

— Блин, — продолжила тетя Тоня. — Агент сказала, нужна клеенка.

— Зачем? — спросил Асов.

— Чтобы отгородить салон от пассажирских кресел в водительской части. Подошел Александр Емельянович, и тетя Тоня спросила его:

— У тебя целлофана там нет?

— Нет, — ответил тот.

— Ладно, в гарнизоне поищем, — сказал Асов. — Ну что? До свидания.

— До свидания, — сказал Александр Емельянович и пожал руку Асову, после чего отошел к джипу и закурил. Тетя Тоня сказала Саше напоследок:

— Чеки от заправок сохраняй. Деньги водителю отдашь только после того, как приедете. Агентам похоронной компании никаких денег не давай. С водителем рассчитаешься сам, без них.

— Конечно, — ответил Асов.

Тетя Тоня погладила его по руке:

— Будь поосторожней, — сказала и отошла к Александру Емельяновичу.

Саша обернулся к маме, поцеловал ее в щеку:

— Не волнуйся. — Потом он открыл пассажирскую дверцу, но мама остановила его, схватив за руку.

— Подожди, — попросила она. — Звони мне каждые полчаса.

— Мам, но у вас же нет денег на сотовых. Заблокируют. Я буду в роуминге, входящие будут дорогими.

— Ничего, деньги я найду. Постоянно мне звони, — потребовала она.

— Хорошо, — ответил Асов. Мама стала поправлять его шарф и шепотом произнесла: — Проклятая семейка, отправили ребенка одного.

— Ничего, мама. Теперь нас мало что с ними связывает.

Мама поцеловала в щеку Сашу, перекрестила его, чего раньше никогда не делала, и пошла к джипу. Саша сел в кабину, захлопнув за собой дверь. Кабина была отгорожена от салона только тремя креслами, к которым сзади спинками прислонялись три кресла, обращенные в салон. Перед Асовым оказалась широкая торпеда с полочкой. В «Газели» было тепло, снизу шел гул печки вперемешку с гулом мотора. Широкое, низко посаженное ветровое стекло открывало хорошую видимость. Саша расстегнул полностью дубленку, снял и положил на полку приборной панели, напротив его кресла, шарф, мобильные телефоны и пачку сигарет с зажигалкой.

— Ну что, поехали? — спросил его Сергей.

— Да, поехали, — ответил Саша, глядя, как мама подходит к тете Тоне и Александру Емельяновичу. Все они посмотрели на него. Асов помахал им рукой, они ответили ему, и микроавтобус выехал из ворот базы.

Машина медленно проползла по заснеженной дороге и выехала на трассу, но поехала не обратно в Опольск, а повернула на Москву.

Сквозь ветровое стекло Асов смотрел на черный асфальт дороги, по которому пробегали снежные волны поземки. Зимой темнеет рано, и, к своему недовольству, Асов отметил, что уже наступил глубокий вечер. Время выезда непозволительно затянулось. Вершины редких ночных облаков в небе еще

отсвечивали красным от скрывшегося за горизонтом зимнего солнца. Саша посмотрел на часы: шестнадцать часов. Внутри Асова шевелился настойчивый холодок страха и неуверенности, впереди была долгая дорога, в конце которой ничего хорошего его не ждет. Через несколько минут наступит полнейшая темнота, обозначающая начало ночи. Чтобы как-то разогнать мрак внутри себя, Саша откровенно признался:

— Что-то мне страшновато стало.

[Оглавление]

Часть первая

[3]

Часть вторая

[119]

P. S.

[183]

Александр Сергеевич Антипов

МАРОДЕРЫ

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Редактор *Н. П. Дралова*

Корректор *Н. М. Баталова*

Оригинал-макет *Е. Н. Вангурина*

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме»

ISBN 978-5-904045-38-8

Подписано в печать 20.05.2009. Формат 70×100^{1/16}. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,6. Тираж 100 экз. Заказ № 38-8.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.

Тел./факс (812) 766-05-66

E-mail: RENOME@comlink.spb.ru

www.renomespb.ru